

Артур Матарян

РАСПАД

КРАЙ ЖИВЫХ

КНИГА ВТОРАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

научно-фантастический роман

18+

Артур Матарян

Распад. Край Живых

«Автор»

2026

Матарян А.

Распад. Край Живых / А. Матарян — «Автор», 2026

Прошло несколько лет после конца света. Выжившие начали подниматься из пепла — не как единое человечество, а как множество разрозненных островков, каждый из которых ищет свой ответ на вопрос: "Как жить дальше?". На просторах центральной России возникает "Край Живых" — сеть общин без правителя, законов и привычных институтов. Только люди, пытающиеся заново научиться жить вместе. Но восстановление мира оказывается опаснее катастрофы. На периферии зреет альтернативный проект будущего — мир, где порядок держится не на договоре, а на терроре. Между двумя проектами разгорается война не за территории — за то, каким быть новому миру. "Распад. Край Живых" — цивилизационный роман. Исследование того, как, почему и ради чего можно жить после конца света. Ради чего строить новое общество, когда старое распалось. Книга адресована тем, кто ищет в фантастике не только приключение, но и повод задуматься: о цене прогресса, природе свободы, ответственности знания и будущем человеческой цивилизации.

© Матарян А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава «Расследование»	10
Глава «Новая жизнь»	16
Глава «Академия выживания»	21
Глава «Ярмарка»	24
Глава «Рыбное озеро»	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Артур Матарян

Распад. Край Живых

Пролог

22 ноября 2026 год. Ванкувер. TED-конференция. Главная сцена. 14:47

В первых рядах почти не осталось свободных мест. Министры экологии, главы крупнейших технологических компаний, представители Toyota, Samsung, Siemens, китайская правительственная делегация, журналисты BBC и других мировых телеканалов, лауреаты научных премий и школьники — победители международных олимпиад. Казалось, весь мир собрался здесь, чтобы увидеть рождение новой эпохи. Свет в зале погас не сразу. Сначала приглушили нижние ряды, потом убрали подсветку с балконов, и наконец огромный экран за сценой вспыхнул глубоким синим — фирменным цветом TED. Тысяча восьмьсот человек в зале стихли одновременно. Так бывает только в двух случаях: когда выступающий — всемирно известный гений или когда никто не знает, чего от него ждать.

Фарид Карим и Эндрю Шкловский были вторым случаем.

Они вышли на сцену под тихий, почти медитативный эмбиент. Фарид — в тёмно-синем пиджаке поверх белой футболки, с аккуратной бородкой и спокойными, чуть прищуренными глазами человека, который привык, что его слушают. Эндрю — в простом сером свитере, с зачёсанными назад русыми волосами и лёгкой нервозностью в жестах. Они не подходили друг другу — ни внешностью, ни пластикой. Фарид двигался плавно, Эндрю порывисто. Фарид держал руки в карманах, Эндрю постоянно поправлял несуществующий галстук.

Но когда они встали рядом — перед микрофонами, под синим светом, — в их синхронности читалось что-то общее. Что-то, что делало их не просто научными партнёрами.

— Четыре года назад, — начал Фарид, и его голос — низкий, чуть с хрипотцой — разнёсся по залу без микрофона лучше, чем с ним, — мы с Эндрю сидели в лаборатории Стэнфорда и пили кофе.

— Третий за день, — вставил Эндрю, и зал тихо засмеялся.

— Третий, — подтвердил Фарид. — И смотрели на пластиковый стаканчик. Обычный такой стаканчик, из-под этого самого кофе. И Эндрю вдруг сказал: «А что, если он сам себя переработает?»

— Я сказал не «переработает», — поправил Эндрю. — Я сказал «исчезнет». По команде.

— По команде, — повторил Фарид. — Это важно. Потому что переработка — это процесс внешний. Кто-то приходит, собирает, везёт, плавит, делает новый. А исчезновение — это внутреннее свойство. Материал сам себя... утилизирует. Когда надо. Как надо. Без следа.

Замолчали оба. Пауза затянулась ровно настолько, чтобы зал успел почувствовать — сейчас будет что-то серьёзное.

— Мы посмеялись тогда, — сказал Эндрю. — Я допил кофе, Фарид выбросил стаканчик. В мусорное ведро. Как все нормальные люди. А на следующий день...

— На следующий день мы подали заявку на грант, — закончил Фарид.

Зал зааплодировал — не бурно, но тепло. Аплодисменты были за смелость, за иронию, за то, что двое молодых учёных не побоялись назвать вещи своими именами: великие открытия начинаются с дурацких вопросов за чашкой кофе.

— Через три месяца, — продолжил Фарид, когда аплодисменты стихли, — у нас был первый образец. Он разлагался сорок восемь часов и вонял так, что мы проветривали лабораторию неделю.

— Зато он разлагался, — добавил Эндрю.

— Зато он разлагался, — согласился Фарид. — Ещё через год мы научились управлять скоростью. Час. Десять минут. Минута.

— Секунды, — тихо сказал Эндрю.

— Секунды, — повторил Фарид. — Материал, который исчезает за секунды. Полностью. Экологически чисто. Без следа.

На экране за их спинами зажглась схема — сложная, разноцветная, похожая на карту нейронных связей. Молекулярные цепочки, кластеры, резонансные узлы. Простые глаза в ней не разбирались, но она создавала ощущение: здесь настоящая наука, не фокусы.

— Мы назвали это УСП, — сказал Эндрю. — Ультрасинтетические полимеры.

— Звучит как бренд зубной пасты, — заметил Фарид.

— Звучит как то, что изменит мир, — поправил Эндрю.

И снова пауза. На этот раз короткая, рубленая. Эндрю посмотрел в зал, и в его взгляде вдруг проступила не та лёгкая нервозность, а что-то другое — почти вызов.

— Мы не будем сегодня рассказывать вам теорию, — сказал он. — Вы можете прочитать о ней в Nature. Или в Science. Или в Washington Post.

Он выдержал паузу. По залу прошёл лёгкий шум — кто-то зашептался, кто-то достал телефон проверить, о чём это он.

— Мы покажем вам, как это работает.

Техники выкатили установку. Она стояла на низкой платформе с подсветкой — прозрачный куб со стороной около метра, внутри которого едва заметно колыхалась прозрачная же жидкость. По бокам куба — матовые панели с мигающими индикаторами. Сзади — аккумуляторный блок размером с небольшой чемодан. Внешне установка не выглядела футуристически. Она выглядела как лабораторный стенд, который собирали из того, что было под рукой. И в этом была своя правда.

Эндрю подошёл к кубу, коснулся пальцем холодного стекла.

— Это трансформ-камера. Внутри — нейтральная среда, стабилизирующая резонансные процессы. Можно работать с любыми материалами. Сейчас вы увидите распад.

Фарид взял с подноса, который вынесли следом, обычный кроссовок. Белый, с синей полосой. Никто в зале не знал, чей он был, но кто-то на первом ряду тихо выдохнул: «Nike».

— Прошу внимания, — сказал Фарид, поднимая кроссовок над головой. — Это не реквизит. Это обычный кроссовок. Сейчас он на сто процентов состоит из ультрасинтетических полимеров. Все компоненты — подошва, стелька, ткань, шнурки, даже краска — синтезированы из УСП-композигов разного типа. И мы можем заставить его... исчезнуть.

Он опустил кроссовок в прозрачный куб. Техник сверху закрыл крышку, и она встала на место с мягким гидравлическим шипением.

Эндрю взял со стойки планшет. Экран засветился.

— Я могу запустить процесс отсюда. Или могу дать кое-кому из зала.

Он обвёл взглядом первые ряды. И остановился.

— Мистер Маск, вы не хотели бы?

Вспышка. Тысяча восьмьсот голов повернулись одновременно. Операторы навели камеры. Илон Маск — в чёрной футболке, кожаной куртке накинутой на плечи, с неизменной кепкой, которую он почему-то не снимал даже в помещении, — поднялся с места во втором ряду.

Он не улыбался. Он смотрел на куб.

— Давно хотел нажать на эту кнопку, — сказал он, и голос его — с лёгкой хрипотцой, чуть быстрее, чем у нормальных людей, — разнёсся по залу, потому что микрофоны поймали его ещё до того, как он взял планшет.

В зале стало тихо. Совсем тихо. Даже операторы замерли. Маск нажал на планшете. На экране за сценой запустился таймер. 00:00. 00:01. 00:02.

В кубе ничего не происходило первые три секунды. Кроссовок лежал на прозрачном дне как ни в чём не бывало. Потом — едва заметное изменение. Сначала побелела подошва. Не просто побелела — стала мутной, как лёд под солнцем. Потом ткань на носке истончилась, и сквозь неё проступила тёмная, почти чёрная жидкость.

00:05.

Кроссовок начал терять форму. Не плавиться — именно терять форму, как песочная фигура под струёй воды. Оранжевые, синие, бардовые, лиловые, чёрные струйки стекали с него, растекались по дну куба и уходили в узкие каналы к прозрачным капсулам, стоящим внизу. Одна капсула наполнялась бардовой жидкостью, другая — прозрачной с желтоватым оттенком, третья — густой, почти чёрной.

00:08.

Кроссовок превратился в несколько лужиц, которые досыхали на глазах.

00:10.

На дне куба не осталось ничего. Только влажный след, который через секунду тоже исчез — впитался, испарился, ушёл в систему сбора.

Экран показал 00:12, и таймер остановился. Маск опустил планшет.

— Двенадцать секунд, — сказал он. — В Пентагоне, к слову, умирали от одного вида этой записи.

Он выдержал паузу.

— Особенно когда узнали, как именно это работает. Понимаете, это не «нажал кнопку — и всё сгорело». Это сложнее. И революционное.

Он повернулся к экрану, где всё ещё висела схема молекулярных кластеров.

— Этот материал не реагирует на любой радиосигнал. Он реагирует только на определённую последовательность частот. Как музыкальный аккорд. Как код. Без правильного «аккорда» УСП абсолютно инертен. Можно облучать его любым Wi-Fi, любой вышкой 5G, любым бытовым прибором — ничего не произойдёт. Нужен точный спектр. Многочастотный. Синхронизированный. В определённом порядке. Фарид кивнул, подтверждая.

— Мы называем это «ключевой последовательностью», — сказал он. — У каждого типа УСП — свой ключ. Для распада — один. Для синтеза — другой. Это встроенная система защиты. Без ключа материал ведёт себя как обычный пластик. С ключом... вы видели.

Маск усмехнулся, но усмешка вышла жёсткой.

— Пентагон сначала обрадовался. Думали, смогут копировать сигнал. Вскрыли один генератор, потом второй, третий. У каждого — своя последовательность. У каждой партии УСП — свой уникальный «аккорд». Как отпечаток пальца. Фарид, вы гении паранойи.

— Это не паранойя, — спокойно ответил Фарид. — Это стандартная криптографическая защита. Мы не хотели, чтобы кто-то мог случайно активировать распад. Или — намеренно, без нашего ведома.

— И теперь, — продолжил Маск, — каждый килограмм УСП, произведённый под нашей лицензией, содержит в себе уникальный ключ. Записанный на молекулярном уровне. Невоспроизводимый без доступа к исходным параметрам синтеза. — Он помолчал. — Это делает технологию безопасной. И это делает её бесценной.

Зал молчал. Не потому, что нечего было сказать. Потому что не знали, что именно нужно сказать. Аплодировать? Смеяться? Бояться?

— Поэтому я и купил этот стартап, — продолжил Маск, возвращая планшет Эндрю. — Позавчера. Сделка закрыта. BioRad теперь часть Tesla Materials.

— Илон, — Крис шагнул к нему, держа микрофон в руке, — можете ли вы озвучить сумму сделки?

Маск посмотрел на него. Потом на зал.

— Я не назову сумму, Крис. Скажу только: я продал часть акций SpaceX и Tesla. И добавил к этому то, что не может купить ни один чиновник в мире.

— И что же это?

— Время. Они готовы были ждать год, пока конгресс согласует бюджет. Я — нет. — Он повернулся к кубу, где ещё секунду назад лежал кроссовок. — Через полгода эта технология будет в каждом доме. Через год, максимум полтора — заменит половину пластика на планете. Через три года — мы забудем, что такое свалка.

Он помолчал.

— По крайней мере, такова была идея.

— Была? — переспросил Крис.

Маск не ответил. Он смотрел на пустой куб, и в его глазах читалось что-то, чего не должно было быть на презентации триумфа — не то сомнение, не то предчувствие.

— Продолжайте, — сказал он Эндрю и вернулся на своё место.

Эндрю стоял у куба. Фарид отошёл к пульту управления.

— Вы видели распад, — сказал Эндрю. — Теперь посмотрите на обратный процесс.

Он махнул рукой, и техник поднёс к установке прозрачную колбу с разноцветными слоями жидкостей. Те, кто сидели в первых рядах, могли разглядеть: красная фракция внизу, жёлтая над ней, зелёная, синяя, прозрачная. Ровно те цвета, которые только что стекли в капсулы из кроссовка.

— Это не «материя из ничего», — предупредил Фарид. — Химия не терпит чудес. Это молекулярная печать. Мы используем те же самые компоненты, которые получили при распаде, и собираем их заново в заданную структуру. Как конструктор. Только на уровне цепочек.

— И снова нужен ключ, — добавил Эндрю. — Другой. Для синтеза. Последовательность частот, которая заставляет молекулы собираться, а не распадаться.

— Если распад похож на взрыв, — сказал Фарид, — то синтез — на танец. Медленный, контролируемый. Частота за частотой. Слой за слоем.

— Требуется абсолютная чистота среды, — продолжил Эндрю. — И идеальный контроль поля. В обычных условиях — на улице, в поле, в подвале — ничего не получится. Нужна экранированная камера, стабилизированный раствор, прецизионное управление частотой. Поэтому не пытайтесь повторить это дома.

Он улыбнулся. Зал — всё ещё напряжённо — улыбнулся в ответ.

Фарид нажал кнопку на пульте. По прозрачным трубкам, соединяющим колбу с кубом, потянулись тонкие струйки. Красная, оранжевая, зелёная, бардовая, черная. Они впрыскивались внутрь куба, в ту самую прозрачную жидкость, и начинали кружиться, смешиваться, расходиться по невидимым лекалам.

Сначала ничего не было видно. Только цветные завихрения. Потом — контур. Едва заметный, мерцающий, как 3D-модель на мониторе. Стебель. Листья. Бутон.

Прошла минута — и в кубе стоял букет роз. Искусственных, но до дрожи похожих на настоящие. Лепестки переливались под светом софитов, стебли были упругими и прямыми, даже шипы — и те выглядели как живые.

Фарид открыл крышку куба. Протянул руку, взял букет. Поднёс к лицу, вдохнул.

— Не пахнут, — сказал он. — Но, тем не менее.

Зал наконец заплодировал. Громко, искренне, долго.

Крис вышел на середину сцены, обнял обоих учёных, пожал руку Маску, который снова поднялся.

— Боже мой, — сказал Крис в микрофон. — Ребята, вы просто волшебники. Я, честно говоря, и наши зрители — такого не видели никогда. Материя, которая исчезает и собирается заново. По команде. Как в сказке.

— Это не сказка, — сказал Эндрю. — Это химия. И физика. И немного инженерии.

— И огромные деньги, — добавил Крис, покосившись на Маска.

— И огромные деньги, — согласился Эндрю.

Последующие десять минут презентации аплодисменты и овации звучали почти все время. Наконец, презентация завершилась. Огни софитов постепенно гасли. Зрители в зале, от продолжения обсуждений которых еще стоял легкий гул, начинали расходиться. Маск вернулся и пошёл к выходу, на ходу доставая телефон.

Эндрю выбросил стаканчик в мусорное ведро. Как все нормальные люди. И пошёл к Фариду — принимать поздравления.

Глава «Расследование»

Весна 2037 года. Шестой месяц после Великого Распада.

Анна проснулась от голоса. Он доносился из соседней комнаты, приглушённый, но настойчивый. Она не сразу поняла, что это не сон. Лежала, глядя в тёмный потолок, и слушала, как Ростислав говорит с кем-то по рации. Его голос был тихим, но в ночной тишине каждое слово звучало отчётливо.

— ...да, я понимаю. Но если частота действительно 31,2 гигагерца, то почему мы не зафиксировали её раньше? — пауза. — Нет, я не говорю, что вы ошибаетесь. Я просто пытаюсь понять. Если сигнал шёл от пульсара, он должен был быть направленным. Очень узким лучом. Как лазер. Тогда почему Земля оказалась прямо на его пути?

Анна села на кровати. За окном было темно. Который час? Третий? Четвёртый? Она не знала. Она только знала, что Ростислав опять не спит.

Она встала, накинула старую шерстяную шаль и вышла в коридор. Дверь в его комнату была приоткрыта. Сквозь щель пробивался тусклый свет керосиновой лампы. Анна заглянула внутрь.

Ростислав сидел за столом, заваленным листами бумаги, схемами, выцветшими книгами. Перед ним стоял старый армейский приёмник «Эрика» — тот самый, который он выменял на прошлой ярмарке. В руках он держал микрофон, а в наушниках что-то шипело. Его лицо было бледным, под глазами залегли глубокие тени, но глаза горели — тем самым лихорадочным огнём, который Анна знала слишком хорошо.

— ...я слышу вас, — сказал он в микрофон. — Вы говорите, что архивные данные за 2027 год показывают аномалию? — пауза. — Да, я знаю, что в 2027-м УСП ещё толком не было. Но это не значит, что это не связано. Может быть, это был тот же самый источник. Просто тогда не было материалов, которые могли бы на него отреагировать.

Он замолчал, слушая ответ. Анна видела, как его пальцы, сжимающие микрофон, побелели от напряжения.

— Я вас понял, — сказал он наконец. — Завтра в это же время. И — спасибо. Без вас мы бы ничего не поняли.

Он положил микрофон, снял наушники. Посидел так некоторое время, глядя на приёмник. Потом заметил Анну в дверях.

— Ты не спала, — сказал он. Это был не вопрос.

— И ты тоже, — ответила она. — Кто это был?

— «Астроном», — сказал Ростислав. — Тот самый, из-под Рязани. У него есть доступ к остаткам архива обсерватории. Он нашёл данные за 2027 год. Странные показатели. Не такие сильные, как в декабре, но похожие. Как будто кто-то провёл пробный выстрел.

— Пробный?

— Не знаю. Может быть, это был естественный процесс. Может быть, это был другой источник. Но он есть. И он не единственный. «Кузнец» говорит, что в старых записях Троицкой обсерватории есть что-то похожее. За 1972 год. Тогда никто не обратил внимания.

Анна подошла к нему, положила руку на плечо.

— Ты должен спать.

— Я не могу, — сказал он. — Если я остановлюсь сейчас... я потеряю нить. Я чувствую, что мы почти у цели.

— И что будет, когда ты достигнешь цели?

Ростислав посмотрел на неё. В его глазах была усталость, которую она не могла измерить.

— Тогда я пойму, что произошло, — сказал он. — И, может быть, смогу сделать так, чтобы это не повторилось.

Анна ничего не сказала. Она просто села рядом с ним, взяла его руку в свою. И они сидели так, глядя на тусклый огонь керосиновой лампы, пока за окном не начало светать.

Игорь тоже слышал эти ночные голоса. Поэтому он часто сидел в коридоре, прислушиваясь к тому, что происходит в доме. К звукам. К голосам. К тишине.

И он часто слышал голос Ростислава — тот самый, низкий, усталый, но с металлическими нотками, которые появлялись, когда он говорил о чём-то важном. О науке. О том, что случилось.

Однажды, в одну из таких ночей, Игорь подошёл к двери. Он знал, что Ростислав опять не спит. Постучал тихо в дверь.

— Войди, — сказал Ростислав.

Игорь открыл дверь. Отец сидел за столом, окружённый бумагами. Его лицо было ещё более измождённым, чем обычно.

— Ты не спишь, — сказал Игорь.

— Не сплю. А ты чего? — ответил Ростислав.

Игорь пожал плечами. Он подошёл к столу, посмотрел на бумаги. Схемы, цифры, какие-то формулы, которых он не понимал. Но он узнал одну вещь — ту самую, о которой говорили взрослые.

— Это та частота? — спросил он, указывая на число «31,2» на одной из страниц.

Ростислав удивлённо посмотрел на него.

— Да, — сказал он. — Ты знаешь, что это значит?

— Нет, — честно сказал Игорь. — Но я знаю, что ты говоришь об этом по ночам. С кем-то по радио.

Ростислав помолчал. Потом кивнул.

— Я говорю с «Астрономом». И с «Кузнецом». И ещё с несколькими людьми, кто пытается понять, что случилось тогда.

— И что вы поняли?

Ростислав посмотрел на него долгим взглядом. В его глазах было что-то — не раздражение, не усталость. Что-то вроде интереса.

— Ты действительно хочешь знать? — спросил он.

— Да, — сказал Игорь.

Ростислав подвинулся, освобождая место.

— Садись, — сказал он. — Если хочешь слушать — слушай.

Игорь сел. И слушал.

Ростислав говорил долго. О частотах. О сигналах. О том, как работает материя. О том, что всё, что их окружает, — это всего лишь колебания. Всё. От света до звука, от радиоволн до того, как устроен мир. И что иногда эти колебания могут быть опасными.

— Представь, что ты качаешь качели, — сказал Ростислав. — Если ты толкаешь их в такт — они качаются всё выше и выше. Если ты толкаешь их вразнобой — они просто дёргаются. А если ты толкаешь их слишком сильно... они ломаются.

— Так это было похоже на качели? — спросил Игорь.

— Да, — сказал Ростислав. — Только вместо качелей был весь мир.

Игорь смотрел на него. Он не понимал всего, но он понимал главное. Мир был хрупким. И кто-то слишком сильно толкнул его.

— А можно сделать так, чтобы он не сломался снова? — спросил он.

Ростислав помолчал.

— Я не знаю, — сказал он. — Но я пытаюсь это выяснить.

В ту ночь Игорь не спал. Он лежал на своей койке, глядя в потолок, и думал о том, что сказал Ростислав. О качелях. О колебаниях. О том, что мир — это всего лишь вибрация. И что если ты знаешь, как она работает, ты можешь её изменить.

Он не знал, будет ли он когда-нибудь использовать это знание. Но он знал, что оно у него есть.

Веретье пахло грибами. Тяжелый, влажный запах груздей, подосиновиков и лисичек разливался по всей горнице, смешиваясь с дымом из печи, запахом мокрой шерсти и травяного чая. Артем и Ванька принесли несколько полных ведер — набрали за два дня в старом березняке за восточным оврагом, там, где скверна еще не добралась до корней.

— Хороший урожай, — сказал Артем, ставя последнее ведро на пол. — Еще бы соли побольше, и на зиму хватит.

— Соль есть, — отозвалась Анна, не поднимая головы от корзины. — Димитрий в прошлом месяце привез из Каширы. Мешок.

— Соли никогда не бывает много, — заметил Димитрий, сидя у двери с неизменной «Сайгой» на коленях. Он не чистил грибы — он сторожил. Привычка, которую не вытравили даже месяцы относительного покоя.

Горница главного дома была заставлена табуретами, мисками, корзинами. Светлана перебирала подосиновики, откладывая червивые, и тихо напевала что-то — старую, довоенную песню, которую никто уже не помнил до конца. Артем сидел в углу, сосредоточенно очищая ножом лисички. Его движения были точными, почти механическими — он научился делать это за последние месяцы, как и многому другому, чему раньше не придавал значения. Ванька, вернувшись из леса, сидел на лавке, наливая себе кружку горячего чая из только что вскипяченного самовара. Его руки были в земле, в смоле, в мелких царапинах от веток — работа лесного охотника.

Отец Сергей сидел у печи, грея руки. Он почти не участвовал в общей работе — возраст уже не позволял ему сидеть на корточках, перебирая грибы, — но его присутствие ощущалось как нечто важное, как тихий фон, на котором держится их быт. Иногда он говорил, иногда молчал, но его молчание было не пустым.

Ростислав — для всех уже просто Ростислав Палыч — стоял у окна, глядя на улицу, где мелкий дождь начинал барабанить по крышам. Он держал в руках сложенный лист бумаги, исписанный мелким, убористым почерком. За спиной у него, на столе, лежала карта Края Живых, исчерканная пометками, и старый, потрепанный блокнот, в который он записывал все важное, что удавалось узнать о мире, который рухнул меньше года назад.

— Ростислав, иди к столу, — позвала Анна. — Ты опять не спал ночь.

— Спал, — ответил он, но в голосе его не было уверенности. — Просто... я думал.

Он подошел к столу, положил листок рядом с картой. Сел, потер глаза, пытаясь прогнать усталость.

— Я, кажется, понял, что произошло, — сказал он тихо.

В горнице повисла тишина. Даже Светлана перестала напевать. В печи что-то щелкнуло, и дрова осели, выпустив облачко искр.

— Что произошло? — спросил Ванька.

Ростислав поднял глаза. В них была странная смесь — облегчение и тяжесть. Как будто он нашел ответ, но этот ответ не принес радости.

— Я говорил с «Кузнецом» из Заозерска. И с «Астрономом» — тем, кто работает на остатках обсерватории под Рязанью. И еще с несколькими людьми. Из других стран. Европа. Штаты... Мы собирали данные по кусочкам. И... — он сделал паузу, — вроде бы картина складывается.

Он развернул листок, пробежал глазами по строкам.

— Дело было не в вирусе, не в бомбе, не в оружии. Это был сигнал. Радиосигнал. Из космоса.

В горнице стало тихо. Слышно было только, как потрескивает огонь в печи и как капли дождя стучат по стеклу.

— Господи, — тихо произнес отец Сергей. — Ты хочешь сказать... с неба пришла команда?

— Не команда, — поправил Ростислав. — Не приказ. Просто... сигнал. Естественный процесс. Мы не знаем, что это было — пульсар, радионовая, что-то еще. «Астроном» говорит, что это мог быть какой-то аномальный выброс. Но дело не в том, что это было. Дело в том, на какой частоте.

Он поднял листок, показал им. На нем была нарисована схема: две волны, наложенные друг на друга.

— Частота 31,2 гигагерца, — сказал он. — Примерно. Плюс-минус.

— Что такое гигагерц? — спросила Светлана.

— Миллиард колебаний в секунду, — ответил Ростислав. — Очень высокая частота. Такие обычно используют в спутниковой связи, в радарх, в экспериментальных сетях передачи данных. Не бытовые. Специальные. Еще до распада.

— И что в ней такого? — спросил Артем, откладывая нож.

— То, что на эту частоту были настроены УСП, — сказал Ростислав. — Ультрасинтетические полимеры. Она резонирует с некоторыми ее собственными частотами. Та самая «умная» материя, из которой делали упаковку, одежду, импланты, обшивку машин, провода. Она была запрограммирована на распад по радиосигналу. Чтобы ее можно было утилизировать экологически — облучил нужной частотой, и она разложилась.

— Я помню, — сказал Димитрий. — Ты рассказывал. В первые недели. Что все эти «умные» вещи стали опасны.

— Да, — кивнул Ростислав. — Но я тогда не знал, почему именно. Я знал, что был какой-то сигнал. Но я не знал, как именно он работает. Теперь... теперь я понимаю больше.

Он провел пальцем по схеме.

— Этот сигнал не убивал напрямую. Он не вызывал распад сам по себе. Он просто... — он запнулся, подбирая слова. — Он просто перевел УСП в состояние готовности. Как если бы вы взвели курок, но не нажали на спуск. Материя стала метастабильной — нестабильной, но еще не разрушающейся. А спусковым крючком стал первый же бытовой радиосигнал. Wi-Fi, Bluetooth, мобильный телефон, любая сеть, которая работала в тот момент. Когда человек включал телефон, когда машина подключалась к сети, когда в доме работал роутер — это и был тот самый «спуск». И тогда УСП распадался.

Он сделал паузу, давая им осмыслить услышанное.

— И именно поэтому люди не могли предупредить друг друга. Каждая попытка выйти на связь, каждый звонок, каждое сообщение — все это становилось триггером. Чем больше люди пытались спастись, тем быстрее они погибали.

В горнице снова стало тихо. Слышно было только, как потрескивает огонь в печи и как капли дождя стучат по стеклу.

— Господи, — прошептала Анна. — Значит, если бы мы тогда не выключили все... если бы мы попытались позвонить...

— Мы бы тоже погибли, — сказал Ростислав. — Да. Поэтому мы живы. Потому что у кого-то села батарейка. Потому что кто-то забыл телефон дома. Потому что мы оказались в электричке без связи.

— И поэтому в городах все умерли, — тихо сказал Артем. — Потому что там работало все. Сети, роутеры, телефоны, машины.

— Да, — Ростислав опустил листок. — Поэтому.

Димитрий, до этого молчавший, кашлянул.

— А откуда взялся сам сигнал? — спросил он. — Из космоса, ты говоришь. Но почему именно сейчас? Почему не раньше, не позже?

Ростислав помолчал.

— «Астроном» говорит, что такие события могут быть очень редкими. Может, раз в тысячи лет. Может, реже. Мы не знаем. Но он нашел в старых записях, что что-то похожее могли наблюдать еще в 1920-х годах, когда только начали строить радиотелескопы. Тогда не было УСП, и никто не обратил внимания.

— Значит, это могло случиться в любой момент? — спросил Ванька. — Мы просто... не повезли?

— Мы просто оказались в нужное время в нужном месте, — сказал Ростислав. — В смысле — в неправильное.

— Выходит, это не война, — медленно произнес Димитрий. — Не диверсия. Не испытание оружия. Просто... случайность?

— Похоже на то, — ответил Ростислав. — Насколько мы можем понять.

Димитрий долго молчал. Потом сплюнул в огонь.

— Странно, — сказал он. — Я всю жизнь готовился к войне. К врагу. К тому, что кто-то хочет нас уничтожить. А оказалось, что никто не хотел. Просто... природа.

— Именно так, природа, — сказал Ростислав. — Вселенная.

Отец Сергей поднял голову.

— Ты хочешь сказать, — сказал он, и голос его дрогнул, — что Господь... что все это случилось по воле случая? Без причины? Без замысла?

Ростислав посмотрел на него. В его глазах была усталость.

— Я не знаю, — сказал он. — Я инженер, а не теолог. Я могу сказать, как это произошло. Но не могу сказать, почему.

— А что дальше? — спросила Светлана. — Теперь, когда мы знаем... что это меняет?

Ростислав провел рукой по лицу.

— Как минимум, знаем, что распад уже произошел. И хуже уже не будет.

Он замолчал, глядя на свои записи. Потом, словно приняв какое-то решение, поднял глаза.

— Знаете, что самое странное? — сказал он. — «Астроном» сказал мне, что если бы этот сигнал пришел на несколько лет раньше — ничего бы не случилось. Потому что УСП еще не было. Если бы он пришел на несколько лет позже — возможно, мы бы уже научились защищаться, или успели бы перепрограммировать УСП, сделать его безопасным. Он пришел именно в тот момент, когда мы были максимально уязвимы.

— Значит, мы просто оказались не в то время и не в том месте, — сказал Артем.

— Да, — Ростислав кивнул. — Мы оказались не в то время и не в том месте. Все мы. Весь мир.

Наступила долгая, тяжелая тишина. В горнице было слышно, как потрескивают дрова в печи, как где-то за окном капает дождь, как кто-то тихо дышит.

Анна подошла к Ростиславу, положила руку на его плечо.

— Теперь нам нужно жить с этим, — сказала она. — С этим знанием.

— Да, — ответил он. — С этим знанием.

Ванька, до этого молчавший, вдруг встал, подошел к столу, взял листок с записями. Посмотрел на схемы, на цифры, на формулы.

— Я ничего не понимаю в этих частотах, — сказал он. — Но я понимаю другое. Мы живы. Мы здесь. И мы можем строить дальше. Неважно, почему это случилось. Важно, что мы делаем сейчас.

— Ваня прав, — сказал Димитрий. — Мы не можем вернуть то, что было. Мы можем только сохранить то, что есть.

Разговор стих. Каждый думал о своем. Анна вернулась к грибам, перебирая их сухими, быстрыми пальцами. Светлана тихо напевала ту же песню, но теперь в ней слышалась не надежда, а грусть. Артем и Ванька молча перебирали грибы, время от времени переглядываясь.

Игорь, сидевший в углу, смотрел на Ростислава. Он думал о том, что сейчас услышал. О сигнале. О частоте. О том, что мир разрушила не война, а просто волна, которая прошла сквозь них.

— Пап, — сказал он вдруг.

Все повернулись к нему.

— А если мы сможем создать сигнал, который будет блокировать этот другой сигнал? — спросил он. — Если мы найдем способ экранировать УСП от этой частоты?

Ростислав посмотрел на него с удивлением.

— Ты думаешь, это возможно? — спросил он.

— Я не знаю, — честно сказал Игорь. — Но ты говорил, что всё — это колебания. И если ты знаешь, как они работают, ты можешь их изменить. Значит, мы можем найти способ изменить эти колебания.

Ростислав долго смотрел на него. Потом улыбнулся — впервые за долгое время.

— Может быть, — сказал он. — Может быть, ты прав.

Ванька вышел во двор, постоял под дождем, поднял лицо к небу. Он думал о том, что где-то там, за облаками, есть что-то, что может уничтожить их снова. И о том, что они не могут это остановить.

Димитрий подошел к окну, посмотрел на темнеющий лес. В его глазах не было страха. Была только усталость и железная, холодная решимость человека, который уже прошел через ад и не боялся пройти снова.

— Ростислав, — сказал он, не оборачиваясь. — Если это повторится... если мы узнаем, что кто-то пытается использовать это снова... ты сможешь найти способ остановить?

— Я попытаюсь, — ответил Ростислав.

— Попытайся, — сказал Димитрий. — Потому что если нет... у нас не будет второго шанса.

Наступила ночь. Дождь стих, оставив после себя свежий, чистый воздух, который пах грибами, мокрой листвой и далеким дымом. Веретье готовилось ко сну. Дети уже спали. Взрослые сидели у печи, глядя на огонь и думая о том, что мир никогда не будет прежним.

Но они все еще были вместе. И этого было достаточно.

Ростислав не спал. Он сидел в своей комнате, при свете керосиновой лампы, перечитывая свои записи. Вокруг него лежали схемы, выдержки из старых статей, воспоминания о разговорах с «Астрономом» и «Кузнецом».

Он знал, что рассказал им не всё. Он знал, что есть еще вопросы, на которые нет ответов. Он знал, что миру, который они строили, угрожает нечто большее, чем банды и голод. Но он также знал, что если они хотят выжить, они должны понять, как устроен этот новый мир. Даже если ответы страшнее, чем вопросы. Он взял ручку, открыл новую страницу в блокноте. И начал писать.

«Задача: найти способ экранирования...»

Глава «Новая жизнь»

С момента «Великого Распада» прошло пять лет. За это время вода успевает проделать в камне ложбину, прозрачную, как стекло. За это время рассада становится деревом, дающим первую тень. За это время страх, если его не убить, вырастает в плоть, становится частью пейзажа души — неприятной, но привычной. А надежда, если за неё цепляться, кристаллизуется в порядок. В правила. В уклад.

Именно уклад, а не государство, сложился на пространстве, которое выжившие назвали Край Живых.

Границы его были размыты, как контуры земли в утреннем тумане, но сердцем их были старые дороги, реки и главное — зоны, где скверна легла тоньше или где вовремя успели отключить всё, что пищало и светилось. Условная линия проходила от окраин мертвой, немой Москвы-призрака на севере, захватывая Тверь, Ярославль, Кострому, Иваново, спускалась к уцелевшим лесам и полям под Нижним Новгородом, тянулась дугой через ещё дышащие чернотёмы к Воронежу и Саратову, а на западе упиралась в леса Брянщины, ставшие естественным барьером для ядовитых ветров с равнин. Территория размером с добротное средневековое королевство.

Пятьдесят тысяч душ. Цифра была приблизительной, собранной по крупницам из обрывков «Молвы». Пятьдесят тысяч, рассыпанных по многим сотням, а то и тысячам островков-поселений: хуторам в три дома, бывшим санаториям за высокими заборами, монастырям, железнодорожным станциям с брошенными составами, ставшими крепостями. От пятидесяти миллионов, некогда населявших эти территории. Один из тысячи. Биологическая погрешность, статистический шум, который по всем законам логики должен был затихнуть в течение года.

Но не затих. Потому что в этих пятидесяти тысячах не было ничего случайного. Это были не самые сильные или самые умные. Это были самые упрямые. Те, кто в час X не помчал в панике семьями по федеральным трассам, забитым радиовышками и умными автомобилями с вездесущим wi-fi, а направился в сторону сельской местности. Кто не стал есть консервы с непонятными добавками, а выкопал прошлогоднюю картошку с дедовского огорода. Кто не искал спасения в бетонных коробках городов, а ушёл в лес, на реку, в глушь, где тишина была не угрозой, а благословением.

Именно они, эти упрямцы, и стали семенами Нового Средневековья. Не в смысле мракобесия — хотя фанатиков хватало, — а в смысле структуры. Не было центра, не было правительства, не было законов, написанных на бумаге. Была сеть. Хрупкая, рвущаяся на каждом шагу, сотканная из ниток радиоязыка нового мира - Молвы, тропинок между полями и редких, смертельно опасных путей на бывших дорогах.

Возродилось натуральное хозяйство, но не примитивное. Это было хозяйство отчаянных экспериментаторов. Они скрещивали уцелевшие семена, приучали коров есть не заражённый силос, а особый вид болотной травы, которую не брала скверна. Они изучали яд, чтобы обойти его. Не лабораторно, а на ощупь, ценой жизнью и болезнью.

Появилась экономика, но не денежная. Экономика долга, бартера и репутации. Мешок хорошего зерна равнялся исправному аккумулятору. А главной валютой стали знание и навык. Кузнец, умеющий ковать наконечники для стрел из старой рессоры, ценился выше, чем пара крепких парней с дубинами. Радиомеханик, способный настроить очиститель так, чтобы он не стрелял по своим, был бесценен.

Возникло сословное деление, но не по крови, а по умению выживать и быть полезным общине. Хлеборобы и Скотоводы — основа основ, кормильцы. Ремесленники — кузнецы, плотники, кожевники, гончары — представляли аристократию труда. Волновики и Инже-

неры образовали новую жреческую касту. Тех, кто говорил с невидимыми силами (радиоволнами) и укрощал железных демонов (очистителей).

Ценились и новые «кшатрии» - дружинники — воины, охрана караванов и ярмарок, защитники стен. Их власть была грубой, но необходимой.

Широко распространены были и скитальцы — торговцы, посредники, вестники. Они связывали мир, разнося по нему товары, слухи и заразу — как болезней, так и новых идей.

И была судьба. У каждого поселения — своя. Одни, как Веретье, пытались строить подобию старого мира на новых, жестоких принципах чистоты и порядка. Другие, ушедшие ещё дальше на восток или север, жили почти племенным строем, поклоняясь Духам Леса и Стихийам. Третьи вырождались в бандитские кланы, где законом была сила, а философией — грабёж.

Дальше, за условными границами «Края Живых», лежали Иные Земли. О них ходили только слухи, почти легенды по «Молве». Говорили о «Сибирской вольнице» — бескрайних территориях, где людей почти не осталось, но и скверна легла редко, и можно жить, кочуя за стадами одичавшего скота. Шептались о «Южных Ханствах» в предгорьях Кавказа, где выжившие собрались вокруг старых военных баз и жили под жёсткой властью бывших офицеров. Слухам не было конца, а проверить их не было возможности. Каждый островок человечества был замкнут в своей реальности, в своей борьбе за завтрашний день.

Это и было Возрождение. Не вверх, к звёздам и небоскрёбам. Вглубь. К корням. К земле. К огню в очаге. К умению сделать иглу из кости и сшить обувь из кожи. К пониманию, что сосед, даже неприятный, ценнее самого совершенного, но одинокого механизма. И к страшному, выстраданному знанию: самый опасный зверь в этом новом лесу — не волк и не медведь. Ты сам. Со своим страхом, жадностью и готовностью нажать кнопку, которая сожжёт гостей, друзей и врагов, лишь бы почувствовать себя в безопасности.

И среди этого лоскутного одеяла нового средневековья, в самом его условном центре, лежало Веретье. Не самое большое, не самое сильное поселение. Но одно из самых упрямых. И, как оказалось, одно из самых важных. Потому что именно здесь, в бывшем дачном посёлке, радиоинженер по имени Ростислав не просто выживал. Он думал. И его мысли, как семена, разлетались по эфиру, прорастая в самых неожиданных местах.

Тишина в Веретье была особой. Не мёртвой, не пустой — заслуженной. Тишиной после тяжёлого, но удачного дня. В ней было слышно, как трещат в печи последние поленья, как за стенами дома кто-то переставляет ведро, как в дальнем углу сарая тихо мычит тёлка, ждущая утренней дойки...

Ростислав Палыч вышел на крыльцо, чтобы выкурить самокрутку из прошлогоднего табака. Курение было редкой, почти ритуальной слабостью. Минута, когда можно было просто стоять и смотреть. Не на приборы, не на чертежи — на своё поселение.

Трёхдомье. Название стало условным. Вокруг трех изначальных домов теперь выросло поселение. Два десятка добротных, приземистых срубов, крытых тёсом и соломой, вытянулись вдоль старой сельской улицы. За ними — амбары, хлева, кузница, мастерские, баня. Дальше — уже не хаотический часток кол первых лет, а настоящая, в три бревна высотой, стена с навесными галереями для дозора. На углах — вышки. Не с очистителями. Те теперь стояли дальше, на внешнем периметре, запертые в бронированные будки. На вышках дежурили живые люди — с ружьями и «проверочниками».

Двести тридцать семь душ. Ростислав знал точную цифру. Не крепость. Община. Но страх, как ржавчина, все равно временами точил её изнутри. Не тот острый, животный страх первого года, когда каждый шорох заставлял хвататься за обрез. Страх хронический, приглушённый. Страх за урожай, который мог оказаться отравленным с подветренной стороны. Страх

перед собственными «очистителями» — необходимыми, но слепыми идиотами, которые могли в любой момент сломаться и выжечь всё живое в радиусе ста метров.

С этим страхом боролись. Не молитвами — хотя отец Сергей и его часовенка в бывшем сарае имели своё значение. Боролись верой в другое. Верой в систему. В график дежурств, в проверку почвы, в жёсткие, но понятные правила. Вера здесь была синонимом доверия к распорядку.

И трудом. Бесконечным, циклическим, почти монастырским трудом. Он не просто кормил. Он спаивал в нечто единое твердое и нерушимое. Общая беда — общая борозда. Общий страх — общая стена. Общая надежда — общий хлеб.

Ростислав сделал последнюю затяжку, раздавил окурочку о подошву и зашёл внутрь. В горнице, у печи, уже сидела Анна, штопала что-то при свете керосиновой лампы. Их взгляды встретились — усталые, знакомые до каждой морщинки, но всё ещё тёплые. Они почти не говорили о любви. Они говорили о запасах соли, о здоровье коровы, о том, что у Ильи опять кашель. Это и была их любовь — совместное несение тяжести.

— Игорь? — спросила Анна, не отрываясь от работы.

— На вышке. До полуночи, — ответил Ростислав, садясь к столу, где уже ждала чашка слабого чая из сушёной моркови.

— Опять сам вызвался.

— Он всегда сам вызывается.

В голосе Ростислава не было гордости. Была настороженность. Сын. Только что стукнуло четырнадцать лет. Угловатый, замкнутый, с глазами, которые видели слишком много и слишком рано. Он помнил Распад. Помнил смерть Алёнки. Помнил страх. Но в нём этот страх не превратился в осторожность — он превратился в злость. Тихая, холодная ярость на мир, который посмел быть таким хрупким, и на отца, который не смог его защитить тогда и теперь строил хлипкие, по его мнению, заслоны от новой угрозы.

Всё изменилось, когда в общину пришла Авдотья с сыном Ильёй. Мальчик, на год младше Игоря, с открытым, жадно любопытным умом. Он не боялся Ростислава. Он засыпал его вопросами о транзисторах, о волнах, о том, как устроен мир. И Ростислав... отвечал. Сначала из вежливости. Потом — с растущим интересом. В Илье он увидел ученика. Того, кто слушает не из страха или долга, а из настоящей, ненасытной жажды понять.

Игорь это увидел. И в его глазах вспыхнула знакомая Ростиславу тень — не детская ревность, а что-то более тёмное. Соперничество. Угроза. Илья стал для Игоря живым доказательством того, что отец ищет замену. Более покладистую, более «чистую» от груза прошлого.

Ростислав видел это. И принимал меры. Не явные — Игорь взорвался бы от открытой опеки. Но Илья теперь ночевал не в общем приюте, а в доме Ефима — нового мужа Авдотьи и, как ни странно, верного союзника Ростислава. Ефим, бывший тракторист с руками размером с лопату и тихим, основательным умом, стал членом совета. Он не лез в высокие материи, но знал цену хлебу, скотине и безопасности. И он понимал, что Илья — не просто мальчик. Это — инвестиция в будущее. И Ефим охранял эту инвестицию с упорством бульдога.

Из угла, за занавеской, донёсся сонный лепет. Светлана укачивала Веру. Трёхлетняя девочка, пучок светлых волос и огромные, как у матери, глаза. Рождение Веры было для всех чудом — первым, чистым, без страха. Артём, теперь уже не вспыльчивый парень, а крепкий, молчаливый хозяин, ходил вокруг дочери и жены, как вокруг хрустальной вазы. Его свадьба со Светланой прошлой осенью была не пышной, но на редкость тёплой. Для всех это был символ: жизнь не просто продолжается. Она — цветёт. Хрупко, среди яда, но цветёт.

Ростислав допил чай и поднялся.

— Пойду проверю, — сказал он Анне.

Она кивнула, не глядя. Она знала, куда он идёт.

Радиоузел. Его святая святых, мозг и нервная система нового мира. Небольшая, утеплённая изба за домом, пахнувшая паяльной канифолью, озоном и пылью. Внутри — связки проводов, самодельные ламповые усилители, аккумуляторные банки, питаемые от ветряка на крыше. И главное — приёмопередатчик. «Голос Веретья».

Ростислав сел за стол, нащупал под ним привычный тумблер. Щелчок. В динамике зашипело, потом выровнялось. Он надел наушники. И мир взорвался голосами.

Это была Молва. Не эфир старого мира, забитый попсой и рекламой. Это был живой пульс Края Живых. Пятьдесят, может, больше общин, от Твери до Владимира, связанных хриплым, прерывистым, драгоценным шёпотом.

Ростислав настроился на общий канал.

«...повторяю для «Берёзок». У нас сгорел последний паяльник. Есть ли у кого запасная нихромовая спираль? Меняем на два кило сушёных грибов...»

«Внимание, «Дозорный» из «Каширы». С восточного ручья, в трёх километрах, ветер несёт жёлтую пыль. Проверяйте периметр. Повторяю, жёлтая пыль с востока...»

««Заря» вызывает «Кузнеца». Свадьба у нас в воскресенье. Дочь наша за вашего кузнеца идёт. Кто сможет — милости просим...»

««Школьник» из «Приозёрска». Ищем учебники по физике, химии, книги по технике. Платим гвоздями, фурнитурой...»

Ростислав позволил себе слабую улыбку. Это была не просто связь. Это была ткань новой жизни. В этих обрывистых сообщениях было всё: экономика, оборона, культура, образование. Здесь рождались новые мифы. Уже ходила легенда о «Стеклянном лесе» под Владимиром, где деревья, пропитанные УСП, рассыпались от громкого звука. Рассказывали о «Тихом караване» — группе выживших, которые якобы везли семена нетронутых растений с юга.

Он взял микрофон, нажал тангенту. Его голос, низкий и спокойный, пошёл в эфир.

— «Веретье» на связи. Приём.

Сразу несколько голосов отозвались. Он решал вопросы, координировал, давал советы. Вот «Кузнец» из дальнего посёлка не мог настроить частоту своего очистителя. Ростислав, закрыв глаза, диктовал ему последовательность действий, представляя схему перед внутренним взором. Вот «Дозорный» спрашивал про странные пятна на земле. Ростислав задавал уточняющие вопросы о цвете, запахе, текстуре, сверялся со своей картой заражённости.

В дверь постучали. Вошёл Ефим, массивный, заполняя собой проём.

— Ростислав Палыч. По делу.

— Садись.

— Не сяду. Коротко. Завтра на восточный участок идём, заготавливать лес. Просил десять человек. Дам пятнадцать. И... Илью можно с нами?

Ростислав посмотрел на него. Ефим смотрел прямо, без вызова.

— Там чистая зона, — сказал Ефим. — Мальчишке воздух сменить надо. Да и мужиком становится — руку набивать надо. При мне будет.

Ростислав понял. Это не просьба. Это — демонстрация. Ефим показывал, что берёт ответственность за «инвестицию». И что он готов защищать её в поле, а не только за стенами.

— Ладно, — кивнул Ростислав. — Только смотри в оба.

— Это как же иначе, — пробурчал Ефим и вышел.

Ростислав вернулся к эфиру. Шёл вечерний «круглый стол» — обмен сводками за день. Кто что посеял, где видели чужих, какие слухи ходят. И тут, сквозь шум, пробился новый, напряжённый голос:

«...«Веретье», «Веретье»! Слышите? Это «Часовня». Отец Сергей у нас. Добрался вчера. Говорит, благословение от вас несёт...»

Ростислав замер. Отец Сергей. Старый священник, пару месяцев назад ушедший в «последний путь» — обходить дальние общины, нести туда не столько веру в Бога, сколько веру в общее дело. Он был живым символом связи, мостом между островами выживших.

«...ослабел сильно, — продолжал голос. — Но держится. Говорит, видел «лихих» у Киржача. Говорит, их много теперь. И не как раньше — с топорами. С железками, говорит, с проводами...»

В груди у Ростислава сжалось холодное пятно. «Лихие». Банды мародёров, которые не строили, а отнимали. Слухи о них ходили, но чтобы с «железками»... Это могло означать только одно: у кого-то из них был свой «ростислав». Свой инженер. И это меняло всё.

«...передает вам, Ростислав Палыч, — голос дрогнул. — Говорит: «Держите круг. Не дайте страху разорвать его. Ваша вера — в ваших руках и в головах ваших детей. А я... я, пожалуй, тут и останусь. Мне тут хорошо. Тихий приход. Старое кладбище чистое...»

Тишина в эфире повисла густая, почти осязаемая. Все слушали. Все понимали. Отец Сергей нашёл своё последнее пристанище. Не в Веретье, а между Веретьями, связав их своим уходом.

Ростислав сглотнул комок в горле, нажал тангенту.

— «Часовня», слышим. Берегите его. И... передайте. Передайте, что круг не разорвётся. Что Веретье помнит.

Он выключил передатчик, снял наушники. В ушах звенела тишина. Он сидел, глядя на мерцающие лампы аппаратуры, чувствуя тяжесть, которая ложилась на его плечи.

Не только за Веретье. За всех. За этот хрупкий, звенящий в эфире мир, который они сплели из обрывков проводов и общей воли. Страх был жив. Он прятался в тених за стенами, в ржавой пыли на ветру, в слишком умных глазах собственного сына. Но с ним боролись. Каждым паяным контактом в радиоузле. Каждым поставленным срубом. Каждой свадьбой. Каждым ребёнком, рождённым без уродств. Каждой Молвой, которая вместо паники несла сводку погоды или поиск транзистора.

Ростислав погасил лампу и вышел. Ночь была тёплой, звёздной. На вышке, у дальнего угла, виднелась неподвижная фигура. Игорь. Он стоял, уставившись в темноту за стену, в ту самую тьму, от которой они все отгородились. И в его позе не было бдительности часового. В ней было ожидание. Как будто он ждал, когда эта тьма, наконец, постучится в их ворота. Не чтобы защищаться. Чтобы встретить её.

Ростислав отвернулся и пошёл к дому. К Анне, к тихому чавканью спящей тёлки за стеной, к тёплому свету в окне, где Светлана, наверное, уже уложила Веру. К этой хрупкой, выстраданной, драгоценной новой жизни, которая стоила каждой трещины в его сердце и каждой седой волос на висках.

Он зашёл в дом, закрыл дверь. Снаружи, на вышке, Игорь не шелохнулся. Он смотрел в ночь, слушая не пение сверчков, а далёкий, едва уловимый гул — то ли ветра в проводах, то ли грома за горизонтом. Гул приближающейся бури, которой ещё нет на картах, но которую он уже чувствовал кожей. И в его сжатом кулаке, спрятанном в кармане, лежала маленькая, выпаянная из старого приёмника деталька — транзистор. Украденный днём из запасов отца. Первый кирпичик для чего-то своего. Для оружия, которое не будет защищать. Которое будет наказывать.

Но в доме уже гасили свет. И новая жизнь, слепая к бурям будущего, готовилась ко сну.

Глава «Академия выживания»

Идея родилась не в голове Ростислава. Она выросла, как гриб после дождя, из сотен разговоров в эфире «Молвы», из отчаянных просьб «научить хоть чему-то» и из молчаливого ужаса в глазах родителей, которые понимали: их дети растут в мире, где единственным учебником была карта Ржавых полей.

Сначала это называли просто — «Уроки у стены». По воскресеньям, после утренней молитвы отца Сергия (пока он ещё был с ними), кто-то из старших собирал детей у старого амбара и рассказывал то, что знал. Димитрий показывал, как чистить затвор ружья, чтобы он не заедал от ржавой пыли. Анна — как отличить съедобный корень от ядовитого, как распознавать болезни, как сделать первую помощь при отравлении, ожоге, обморожении. Ростислав — как читать показания Волноуказа, перепаять припой, как работает молва.

Но этого было мало. Слишком мало для мира, где ошибка в расчёте частоты или в определении гриба означала не двойку в журнале, а смерть. И тогда Ефим, с его прямолинейной логикой, сказал как-то на совете:

— Так нельзя. На авось учить — не дело. Нужно место. И правила. Как раньше школа была. Только... наоборот.

— Наоборот? — переспросил Ростислав.

— Ага. Раньше в школу — за знаниями, чтоб жизнь устроить. А теперь жизнь уже устроена — выживанием. Значит, в школу — чтоб выживать умнее. Не просто «осторожно, яд», а «почему он яд и как его обмануть». Не просто «стреляй», а «когда стреляй, а когда лучше договаривайся». Понимаешь?

Ростислав понимал, и был согласен. Эта мысль давно уже созревала в его мозгу. Так родилась Академия. Не ВЫСШЕГО образования. Первого. Выживания. Это было первое учебное заведение во всем «Краю живых».

Место нашли на окраине Веретья, там, где раньше была механическая мастерская. Стены целы, крыша почти не течёт, окна заложены кирпичом — безопасно. Расчистили, оборудовали длинными столами-верстаками из разобранных грузовиков. На стенах повесили не портреты учёных, а карты: карта заражённости «Края Живых», карта «чистых» родников, схема устройства «очистителя». Библиотекой стали ящики со старыми учебниками.

Плата была простой: твой труд. Час работы на огороде или в поле Веретья (там выращивали не только еду, но и лекарственные травы) — час урока. День помощи в кузнице — целый курс по металлу. Знание стало валютой, а труд — монетой. Система оказалась гениально простой: она не отрывала людей от жизненно важных дел, а вплетала учёбу в самую ткань выживания.

Сюда приходили не только дети. Приходили взрослые, которые в старом мире были бухгалтерами или менеджерами и теперь отчаянно нуждались в практических навыках. Приходили старики, чьё знание о свойствах местных растений или приметах погоды становилось бесценным. Академия стала нервным узлом общины, местом, где обменивались не только знаниями, но и новостями, слухами, где зарождалась дружба и даже любовь.

Ростислав основал здесь целую радиотехническую и физическую лабораторию и вёл свои курсы словно заправский профессор — продумано, основательно, системно. На столе перед ним лежали предметы, похожие на артефакты мёртвой цивилизации: паяльник, мультиметр, катушки провода, разобранный радиоприёмник. А перед ним сидели ученики. Десять пар глаз, от двенадцатилетнего Ильи до седобородого бывшего учителя физики из соседней общины, который теперь жадно впитывал то, как применять его знания на практике.

Сегодняшняя тема была принципиальной. «Технология: инструмент или приговор?»

— Всё, что нас убивает, и всё, что нас спасает, сделано из одного и того же, — говорил Ростислав, его голос был тих, но слышен каждому. — Из знания. Из умения собрать одно к другому. Разница — здесь. — Он постучал пальцем по виску. — И здесь. — Положил ладонь на грудь, в область сердца.

Он подошёл к сейфу, снял с него простыню. Под ней стояли два устройства. Одно — знакомое всем, угловатое, с параболической антенной, от которого веяло холодом смерти. «Очиститель», малая, переносная версия.

Второе — меньше, изящнее, с рядами светодиодов и компактной антенной-штырём. Его отыскивали в чудом сохранившейся очистной эко-станции. «Деструктор» или, как его уже прозвали в народе, «Исправитель».

— Пойдемте все во двор. Проведем эксперимент. - Скомандовал Ростислав.

Когда все собрались во дворе, за окном лаборатории, Ростислав положил чуть поотдал в пяти метрах друг от друга два металлических таза, а в них поставил две идентичные прозрачные упаковочные коробки — из того самого УСП. «Умная» упаковка, чудом уцелевшая.

В классе повисла тишина. Все знали, что такое УСП.

— Илья, — позвал Ростислав. — Подойди. Возьми «очиститель». Не бойся, он не включён.

Мальчик, стараясь не дрожать, подошёл и взял тяжёлый, холодный корпус. Ростислав показал ему тумблер.

— Целься точно в коробку. И включай. Кратковременно. На секунду.

Илья, бледный, прицелился. Щёлк тумблера.

Воздух чуть вздрогнул от едва слышного визга. На коробку упал невидимый луч.

Эффект был мгновенным и ужасающим. Пластик как будто закипел изнутри. По поверхности поползли чёрные, маслянистые пятна, они сливались, вздувались пузырями, из которых сочилась густая, оранжево-чёрная слизь. Запах ударил в нос — сладковато-химический, тошнотворный, запах Распада. Через десять секунд от коробки осталась лишь дымящаяся, ядовитая лужица, разъедающая дерево табуретки.

В классе кто-то сдержанно ахнул. Илья отшатнулся, держа «очиститель» как гремучую змею.

— Видите? — спокойно сказал Ростислав, беря у него устройство. — Это — знание, превращённое в кнут. В абсолютное «нет». Оно не исправляет. Оно только уничтожает. Оно слепо. Ему всё равно, что перед ним — разбойник с ружьем или ребёнок с игрушкой. Оно даёт одну силу — силу разрушения.

Он поставил «очиститель» на место и взял «Исправитель». Устройство было легче, в руке оно гудело едва слышным, ровным гудением.

— А теперь — другой урок.

Он подошёл ко второму табурету, где лежала точно такая же коробка УСП. Навёл «Исправитель». Нажал кнопку. Никакого визга. Только едва слышный, нарастающий гул. И... ничего. Секунда. Две. Пять.

— Ничего не происходит! — прошептал кто-то с задней парты.

— Подождите, — сказал Ростислав.

На десятой секунде поверхность коробки затуманилась. Не почернела, а именно покрывалась матовой, белесой росой. Потом роса стала стекать, но не слизью — водой. Чистой, дистиллированной, прозрачной водой. Пластик под ней терял форму, оседал, как тающий лёд. Через минуту на табуретке лежала лужица воды, над которой вилоь лёгкое марево (углекислый газ), и небольшая кучка серой, пористой пены, похожей на застывшую золу.

Ростислав выключил устройство. Гул стих. Он ткнул палочкой в пену — она рассыпалась в лёгкий порошок.

— Это — оксиды и адсорбированные наночастицы, — пояснил он. — Инертные. Безвредные. Их можно собрать и закопать — они станут просто частью почвы. Вода — чистая. Дистиллированная. Знание, превращённое... во что? В лекарство? В уборщика? В инструмент исправления. Оно не говорит «нет». Оно говорит: «Ты ошибся. Давай я помогу это исправить».

В классе воцарилась тишина, густая от осмысления.

— Одно и то же знание, — продолжал Ростислав. — О частотах резонанса. О свойствах материалов. Можно направить его так, чтобы только жечь и калечить. А можно — чтобы лечить и очищать. «Очиститель» и «Исправитель» — братья. Но один — Каин, а другой — Авель.

Он посмотрел на своих учеников, особенно задержав взгляд на Илье, чьи глаза горели пониманием и восторгом.

— Мы здесь, в Академии, учим вас не просто «как делать». Мы учим вас выбору. Каждый раз, когда вы берете в руки инструмент, паяльник, ружьё, лопату — вы делаете выбор. Будете ли вы, как этот, — он кивнул на «очиститель», — слепым исполнителем, который только рубит сгоряча? Или будете, как этот, — он погладил корпус «Исправителя», — тем, кто смотрит в суть, кто пытается понять причину зла и устранить её, а не просто убить носителя?

Он сделал паузу, давая словам просочиться в сознание.

— Мир «до» погиб, потому что создал технологии без выбора. Технологии, которые диктовали ему, как жить. Мы строим мир «после». И в нём технология должна служить человеку, а не человек — технологии. Выбор — всегда за тем, у кого в руках рубильник, паяльник или прицел. За вами. Помните об этом.

Урок был окончен. Ученики выходили молча, обдумывая. Илья задержался, помогая Ростиславу убрать устройства.

— Ростислав Палыч, — тихо спросил он. — А... а если у человека в руках и «очиститель», и «исправитель»? И он не может выбрать?

Ростислав взглянул на него, и в его глазах мелькнула тень той самой, невысказанной боли.

— Тогда, Илья, этот человек находится в самой опасной точке. На распутье.

За дверью, в тени коридора, прислонившись к стене, стоял Игорь. Он не был записан на курс. Он пришёл сам. И слышал всё. Он все это знал уже. Его лицо было каменным, но в сжатых в кулаках руках дрожали те самые, украденные транзисторы. Он смотрел на отца, объясняющего мальчишке основы мироздания, и в его душе зрело не понимание, а отторжение. Слишком сложно. Слишком много «но». Слишком много сомнений.

Его выбор был бы проще. Яснее. Чище. Один прибор. Одна кнопка. Одно действие. Игорь развернулся и ушёл. Не в классы Академии, где учились спасать. В свою, создаваемую им самим лабораторию, где он учился судить.

А в своей лаборатории Ростислав, не зная о недавнем присутствии сына и пропаже некоторых деталей, закрывал сейф с устройствами. Он смотрел на серую пену, оставшуюся от УСП, и думал о том, что самая трудная наука — не физика или медицина. Самая трудная наука — наука выбора. И её не преподашь в Академии. Её каждый проходил сам, в тишине собственной души, перед лицом собственной тьмы. Но он будет пытаться. Потому что если не они, то кто?

Глава «Ярмарка»

Осень 2042 года, 6-й год после Великого Распада.

К шестому году Край Живых обрёл не государственность — ритм. Не законы — обычаи. Не экономику — обмен. Деньги умерли вместе с банковскими серверами, растворившись в цифровом небытии. Их место заняли три валюты, чья ценность измерялась не цифрами, а выживанием. Знание — схемы, навыки, карты чистых зон. Труд — час кузнеца за три меры зерна. Доверие — самое хрупкое и дорогое.

Общины жили по принципу «островов»: каждая собой представляла этакий автономный мир со своими правилами, своими страхами, своими тайнами. Связывали их три нити: Молва — радиосеть, нервная система нового мира. Тропы — протоптанные пути между поселениями, обходящие Ржавые Поля. Ярмарки — редкие, тщательно планируемые точки встречи.

Ярмарки возникали там, где встречались несколько факторов: относительно чистая зона, уцелевшее каменное здание (школа, детсад, клуб), и главное — нейтралитет. Место, где по негласному договору оставляли за порогом старые обиды, бандитские разборки, религиозные споры. Здесь можно было торговать, а не воевать. Хотя грань была тонкой.

Правила ярмарок были просты и жестоки:

1. Никакой электроники на входе — всё сдавалось в «камеру хранения» под охрану арбитров.
2. Оружие — только холодное и только в ножнах.
3. Обмен — только добровольный. Обманщика могли выгнать, оштрафовать товаром, а в худшем случае — передать его общине для «внутреннего разбирательства».
4. Время ограничено — от рассвета до заката. Ночь принадлежала тьме и тем, кто в ней охотился.

Ярмарка в Старой Школе под Сергиевым Посадом была одной из крупнейших. Сюда съезжались с области в добрую сотню километров вокруг. Здесь можно было найти то, чего не было дома. И потерять то, что считал своим.

Две телеги выехали из Веретья на рассвете, когда роса ещё серебрила паутину на воротах. Впереди на вороном коне — Ванька, теперь уже Иван, но для всех по-прежнему Ванька. Коня звали Шустрый — не за скорость, а за умение чувствовать дорогу, обходить трясины и замирать при чужих звуках.

В первой телеге — Ростислав и Игорь. Между ними, закутанный в брезент, лежал подготовленный «очиститель» — не для продажи, для защиты. Под сиденьем — ящик с рациями, каждая в футляре из бересты. Еда — вяленая рыба, лепёшки из желудёвой муки, сушёные яблоки. Вода — в канистрах, проверенная на скверну.

Ростислав молчал. Смотрел на спину сына — напряжённую, угловатую. Игорю подросток. Он уже не мальчик, но и не мужчина. Нечто промежуточное, колющее, с глазами, которые видели слишком много. С тех пор как Игорь начал помогать в радиоузле, между ними появилось подобие диалога. Но это был диалог схем, частот, расчётов — не чувств.

Во второй телеге — Артём правил лошадьми, Светлана сидела рядом, закутанная в платок. За их спинами — тюки с товаром: грубошёрстные ткани, сшитые Авдотьей, кожаные ремни, деревянная посуда работы Артёма, каменные жернова для ручных мельниц. И самое ценное — пара медных котлов, выменянных год назад и теперь шедших на обмен.

— Держись ближе ко мне, — сказал Артём, не глядя на Светлану.

— Я же не ребёнок, — она улыбнулась, но в улыбке была неуверенность.

Они ехали восемь часов. Дорога — не дорога, а память о дороге: разбитый асфальт, поросший бурьяном, мосты, обрушенные паводками, указатели, согнутые временем и ветром.

Ванька то и дело поднимал руку — «стоп». Слезал, проверял следы. Однажды нашёл свежий конский помёт.

— Не наши, — заключил он. — Шли навстречу. Двое. Часа три назад.

Оружие достали, но не понадобилось.

Рассвет застал их уже в седле. Небо было свинцово-серым, без единого просвета, будто кто-то натянул над миром грязный холст. Воздух пах не осенней сыростью, а чем-то кисловатым, металлическим — запахом Ржавых полей, доносившимся с востока.

— Ветер сменился, — хмуро заметил Ванька, поправляя воротник куртки. — Несет с Подмосковья. Сегодня ярмарка может быть короче — народ побоится задерживаться.

Ростислав кивнул, не отрывая взгляда от дороги. Вернее, от того, что когда-то было дорогой. Асфальт треснул, вспучился корнями проросших через него берёз и сосенок. Природа медленно, но неумолимо забирала своё.

Игорь сидел рядом с отцом, прислонившись к борту телеги. Это была его первая ярмарка. До этого его не брали — то молод, то «нечего ему там делать». Теперь взяли — не как сына, как помощника. Нужно было таскать ящики, сторожить товар, быть дополнительными глазами и руками.

Он молчал. Смотрел.

Через час пути справа показалась заправка. Вернее, её скелет.

— Стоп, — скомандовал Ванька, поднимая руку.

Телеги замерли. Все достали проверочники — маленькие коробочки со светодиодом. Ванька направил свой на здание.

— Чисто. Но осторожно.

Подъехали ближе. Заправка «Роснефть» когда-то была современной: восемь колонок под навесом, магазин, мойка. Теперь...

Колонки были сломаны — не вандалами, а временем. Шланги истлели, дисплеи потускнели, на одном ещё висела табличка «95-й». Ветер раскачивал дверь магазина на одной петле, с глухим стуком бившую о косяк.

— Заходили? — тихо спросил Игорь.

— Год или два назад, — ответил Артём, слезая с телеги. — Тогда ещё какие-то консервы были. Теперь — только хлам.

Он был прав. Через разбитое окно было видно пустые полки, опрокинутые холодильники, на полу — рассыпанные пачки сигарет, давно отсыревшие и почерневшие.

— Не ходите, — сказал Ростислав. — Пустая трата времени.

Но Игорь уже соскочил с телеги. Подошёл к ближайшей колонке. Потрогал металл — холодный, шершавый от ржавчины. На земле под ней — тёмное масляное пятно, въевшееся в асфальт за годы. А рядом...

— Смотрите, — он указал на асфальт.

От колонки к лесу тянулась полоса — не грязи, чего-то бурого, похожего на застывшую слизь. Шириной в ладонь. На краях полосы трава была не зелёной, а жёлтой, ломкой.

— Скверна, — коротко бросил Ванька. — Просачивается из подземных резервуаров. Старая, но всё ещё активная. Не подходи близко.

Игорь не подошёл. Он замер и понял. Это была не просто грязь. Это была память. Память о том дне, когда на этой заправке, наверное, стояли машины. Люди заправлялись, покупали кофе, смеялись. А потом... Потом их смартфоны, навигаторы, беспроводные наушники — всё, что было сделано из УСП — получили тот самый сигнал. И они распались. Прямо здесь. А их машины, тоже напичканные «умным» пластиком, поехали без водителей, врезались в колонки...

— Игорь, — позвал Ростислав. — Едем.

Он вернулся к телеге. Его пальцы бессознательно потеряли транзистор в кармане — тот самый, первый украденный. Вот она, цена, подумал он. Цена того мира, который построили на удобстве. Удобство оказалось ядом.

Дальше дорога шла через бывший посёлок. Не город — просто улица частных домов, магазин «Пятёрочка», аптека, остановка.

Остановка... Она ещё стояла. Стекланный павильон, внутри — расписание автобусов, заляпанное грязью. На скамейке — кто-то оставил сумку. Не рюкзак выживальщика — дамскую сумочку, розовую, с блёстками. Она пролежала здесь шесть лет. От дождей и солнца блёстки потускнели, ткань истлела, но форма ещё угадывалась.

— Мама иногда рассказывала, — тихо сказала Светлана, — как ждала автобуса на такой остановке. С сумкой. В ней были... косметика, телефон, кошелёк. Вся жизнь.

— Теперь жизнь — в рюкзаке, — буркнул Артём. — И косметика не в приоритете.

Он был прав, но резкость прозвучала больно. Светлана отвернулась.

Игорь смотрел на сумку и думал о хозяйке. Кто она была? Куда шла? Может, на свидание? На работу? Или домой, к детям? А теперь её нет. И её сумка — как надгробный камень без имени.

Дома по сторонам дороги стояли с выбитыми окнами. В некоторых ещё висели занавески — тряпки, выцветшие до серого. В одном дворе качалась на ржавых цепях детская качель — пустая.

— Ни души, — пробормотал Ванька. — И слава Богу.

— Почему «слава Богу»? — спросил Игорь.

— Потому что если бы тут были люди — они были бы либо мертвы, либо опасны. Выжившие здесь не задерживаются. Земля отравлена.

Он указал на огороды перед домами. Грядки были, но на них росла не картошка, а какая-то чахлая, жёлтая трава. И посреди одного огорода лежал олень.

Не убитый. Распавшийся. От него остался скелет, обтянутый полупрозрачной, буровой плёнкой. Вокруг — пятно той же бурой слизи, что у заправки. И запах... не гниения. Химии. Сладковатой, тошнотворной.

— Нашёл что-то съестное, — сказал Ростислав без эмоций. — Растение, пропитанное скверной. Съел. И... ну, ты видишь.

Игорь видел. И понимал: олень был невиновен. Он просто хотел есть. Как они все. Но мир стал ловушкой, где еда могла стать ядом, а яд — выглядеть как еда.

Они объехали пятно стороной.

Через полчаса дорога вывела их к тому, что когда-то было торговым центром. Не огромный мегамолл, но двухэтажное здание, занимавшее целый квартал.

Теперь это было видение из кошмара. Стекланный фасад выбит полностью. Внутри — тьма. Но не пустая. Из окон на втором этаже тянулись чёрные, сажевые подтёки — следы давнего пожара, который горел, наверное, неделями. Ветер гудел в пустотах, издавая звук, похожий на стон.

— Останавливались тут? — спросил Игорь.

— Один раз, — ответил Ванька. — В первый год. Искали одежду, инструменты. Нашли... не то.

Он не стал уточнять. Но Игорь догадался. В таких местах находили не только товары. Находили людей. Вернее, то, что от них осталось.

— Смотри, — внезапно сказал Артём, указывая на парковку.

Среди ржавых остовов машин стояла одна почти целая. Минивен, серебристый. Колёса спущены, стёкла целы. А на лобовом — детское автокресло. Оранжевое. Пустое.

— Они пытались уехать, — тихо сказала Светлана. — С ребёнком. Но не успели.

Все молчали. Игорь смотрел на это автокресло и представлял: ребёнок, может, годовой. Сидит, играет игрушкой. Родители грузят вещи. Включают зажигание... и в этот момент через радио, через bluetooth-колонку, через что угодно приходит сигнал. И они...

Он отвернулся.

— Едем дальше, — приказал Ростислав. Его голос был жёстким, без колебаний. — Эмоции — роскошь. Выживание — необходимость.

Они поехали. Торговый центр остался позади, но его чёрный силуэт ещё долго маячил в зеркальце телеги, как призрак прошлого, который не хотел отпускать.

На крутом повороте дорогу преграждала фура. Вернее, то, что от неё осталось. Она лежала на боку, как подстреленный зверь. Тент разорван, из брюха высыпался груз — коробки, пачки, рулоны чего-то. Шесть лет дождей, снегов, ветров превратили всё это в бесформенную массу цвета заплесневелого хлеба.

— Бумагу, наверное, везла — прокомментировал Артём, объезжая затор. — Или ткани. Уже не понять.

Ванька слез с коня, подошёл ближе, пнул ближайшую коробку ногой. Она рассыпалась в труху. Из неё выпало несколько пластиковых упаковок — когда-то, наверное, с едой. Теперь — чёрные, скрюченные.

— УСП-упаковка, — констатировал он. — Если бы была цела, её давно бы растащили.

Игорь смотрел на эту картину и думал о парадоксе. Мир, который производил столько вещей, что их хватало на всех, погиб не от недостатка, а от избытка. От того, что вещи стали слишком «умными», слишком удобными, слишком... послушными. И когда им дали команду самоуничтожиться — они послушались. Убили своих хозяев.

— Игорь, — позвал отец. — Помоги расчистить.

Коробки были лёгкими, как пепел. Они разламывались в руках, осыпаясь жёлтой пылью. Игорь таскал их в сторону, и с каждым движением чувствовал: он убирает не мусор. Он убирает прах цивилизации.

Когда проезд расчистили, Ванька вдруг замер.

— Слышите?

Все насторожились. Из леса доносился звук — не птица, не ветер. Скрип. Металлический, протяжный.

— Что это? — прошептала Светлана.

— Не знаю, — Ванька уже доставал ружьё. — Но лучше не проверять.

Они быстро погрузились, тронулись. Скрип затих. Может, это была просто ветка по металлу. А может... что-то ещё.

Ещё через час они увидели человека. Он шёл по обочине, медленно, сгорбившись, опираясь на палку. Одет в лохмотья, на спине — узел. Лица не было видно — капюшон.

— Стоп, — снова сказал Ванька, но на этот раз без тревоги. — Безоружный.

Подъехали. Старик даже не обернулся. Продолжал идти, бормоча что-то под нос.

— Дедушка! — крикнул Артём. — Куда путь держишь?

Старик остановился. Медленно повернул голову. Лицо было изрезано морщинами, как высохшая речная глина. Глаза — мутные, невидящие.

— ...домой, — прохрипел он. — Домой иду.

— Далеко?

— Далеко... — старик покачал головой. — Все дороги теперь далеко.

— Подвезти? — предложил Ростислав. — Место есть.

Старик посмотрел на телеги, на людей. В его взгляде не было ни страха, ни надежды. Была пустота.

— Неа, — сказал он просто. — Мне пешком надо. Чтобы помнить каждый шаг.

И пошёл дальше. Они смотрели ему вслед.

— Сумасшедший, — пробормотал Артём.

Сидя в телеге, Игорь не просто смотрел на пейзажи. Он анализировал.

Заправка → система снабжения, зависимость от технологий → уязвимость.

Торговый центр → потребление, избыток → самоотравление.

Фура → логистика, доставка → хрупкость цепочек.

Старик → индивидуальный путь, отказ от помощи → возможно, единственная устойчивая стратегия.

Он складывал эти данные в уме, как пазл. Мир «до» был сложной системой с тысячами взаимосвязей. Распад разорвал связи. Теперь выживание зависело от того, насколько ты можешь упростить свою жизнь. Отказаться от лишнего. От ненужного.

Но что такое «лишнее»? Рации отца — лишнее? Нет, они связывают общины. Оружие — лишнее? Нет, оно защищает. А вот... эмоции? Привязанности? Любовь?

Он посмотрел на Артёма и Светлану. Артём правил лошадьми, Светлана смотрела в сторону. Между ними было расстояние — не физическое, какое-то иное.

Эмоциональная связь, подумал Игорь. Она делает тебя уязвимым. Если теряешь того, кого любишь — страдаешь. Значит, любовь — это фактор риска. Как УСП в старом мире. Удобно, красиво, но в момент кризиса может убить.

А он, Игорь... он не любил. Нет, он чувствовал что-то к матери — но это было скорее привычкой. К отцу — уважением к интеллекту. Но не любовью в том смысле, как её описывали в старых книгах.

Может, это и есть его преимущество? Он не обременён лишними связями. Он может мыслить чисто. Как машина.

Но тут же в голове всплыл образ старика. «Чтобы помнить каждый шаг». Машины не помнят. Они записывают данные. Помнить — это человеческое. Значит, в этом тоже есть ценность?

Он запутался. И это раздражение было новым чувством. Обычно всё было ясно: причины, следствия, логика. А здесь... здесь была какая-то иррациональность, которую нельзя было просчитать.

— О чём задумался? — спросил Ростислав, не глядя на сына.

— О том, что мир стал проще, — ответил Игорь. — Но люди — нет.

Ростислав кивнул.

— Мир всегда был прост. Сложными его делали мы. Теперь он вернулся к базовым состояниям: еда, безопасность, кров. А мы... мы тащим за собой старые привычки. Как этот старик — тащит свой узел, хотя в нём, наверное, ничего ценного нет.

— Почему же он тогда тащит?

— Потому что человеку нужна ноша, — сказал Ростислав. — Даже если она бесполезна. Иначе он чувствует себя пустым.

Игорь задумался. У него тоже была ноша — знания. Схемы, формулы, расчёты. Но эта ноша была полезной. В отличие от старикового узла. Или... нет? Может, для старика его узел тоже был полезен? Как память? Как связь с прошлым?

Он смотрел на дорогу, на убегающие назад деревья, и чувствовал, как в его чёткой, логической картине мира появляются трещины. Не из-за ошибок в расчётах. Из-за того, что некоторые переменные нельзя было измерить. Как «любовь». Как «память». Как «ноша».

И это было... интересно. Как новая задача. Сложная, но решаемая. Нужно было только найти правильный подход.

К полудню они сделали привал у небольшого ручья. Вода была чистой — Ванька проверил. Развели маленький костёр, вскипятили чайник.

— Ещё часа три до места, — сказал Ванька, разворачивая карту. — Дальше дорога хуже — будет участок, где асфальт полностью размыт. Придётся объезжать по полю.

— Опасности? — спросил Ростислав.

— Ржавое поле в километре слева. Если ветер не сменится — безопасно. А так... вонюче будет.

Светлана раздала лепёшки. Игорь взял свою, отломил кусок. На вкус — пресно, грубо. Но сытно.

— На ярмарке, — сказал Артём, — будь рядом. Не отходи далеко. Народ разный пойдёт.

— Какие? — спросил Игорь.

— Торговцы — как мы. Охотники — менять шкуры, мясо. Ремесленники. И... странные.

— Какие странные?

— Верующие, — пояснил Ванька. — Те, кто считает, что Распад — кара Божья. Ходят, проповедуют. Лучше их не слушать — мозги заморочат.

— А ещё бандиты? — спросил Игорь прямо.

Наступила пауза.

— Бандиты на ярмарку не ходят, — сказал Ростислав. — Им выгоднее караваны грабить на дорогах. Но... шпионы могут быть. Те, кто высматривает, у кого что есть ценное. Поэтому — никаких разговоров о запасах. Ни слова о том, сколько у нас пороха, еды, оружия.

Игорь кивнул. Он понял: ярмарка — это не только место обмена. Это поле разведки. Все друг за другом следят. Запоминают. Потом эта информация может быть использована. Для торговли. Или для нападения.

— А как отличить шпиона? — спросил он.

— Не отличить, — честно сказал Артём. — Поэтому доверять нельзя никому. Даже тем, кто улыбается.

Игорь посмотрел на Светлану. Она сидела, обняв колени, и смотрела на огонь. На её лице было выражение... тоски? Нет, не тоски. Ожидания. Как будто она ждала не ярмарки, а чего-то другого.

Он запомнил и это. Ещё одна переменная.

Дальше дорога действительно стала хуже. Асфальт кончился, началась грунтовка, разбитая колёсами техники, которая пыталась проехать здесь в первые годы. Теперь техники не было — только колеи, заполненные водой.

Телеги подпрыгивали на ухабах. Игорю приходилось держаться за борт, чтобы не вылететь.

— Видишь? — сказал Ростислав, указывая в сторону.

Слева, за полем, лежало Ржавое поле. Не такое огромное, как под Москвой, но всё же. Земля была не коричневой, а оранжево-бурой, как старая кровь. На ней ничего не росло — только кое-где торчали чёрные, обгорелые пни деревьев. И светилось. Слабо, но светилось. Как фосфор.

— Ночью ярче, — пояснил Ростислав. — Разлагающиеся полимеры. Эффект хемилюминесценции.

Игорь знал теорию. Но видеть живую... это было другое. Это было красиво. Жутко, но красиво. Как северное сияние, но рождённое смертью.

— Не смотри долго, — предупредил Ванька. — Глаза заболят. И лёгкие — если ветер сменится.

Они ускорились, стараясь быстрее миновать опасную зону.

— Завтра, — сказал Ростислав тихо, — ты будешь отвечать за рации. Разложишь, будешь показывать, как работают. Но не всё. Базовые функции. Если кто-то начнёт задавать сложные вопросы — отсылай ко мне.

— Почему? — спросил Игорь. — Я всё знаю.

— Потому что знания — сила. И если ты покажешь, что знаешь слишком много... тебя могут захотеть забрать. Силой. Понимаешь?

Игорь понял. Не сразу, но понял. Речь шла не о торговле. О конкуренции. Если в другой общине нет своего радиоинженера, они могут решить, что проще украсть того, кто есть, чем выращивать своего.

— Значит, нужно притворяться глупее, чем ты есть? — уточнил он.

— Нет. Нужно быть осторожнее, чем ты есть. Разница есть.

Игорь задумался. Ещё одно правило выживания: скрывать свои возможности. Не потому что стыдно. Потому что опасно.

Он смотрел, как отец держит поводья упряжи и чувствовал странное чувство — не любовь, не уважение. Признание. Признание того, что отец, несмотря на все свои ошибки, выжил. И знает правила этой игры. А Игорь... он только учился.

Но он учился быстро. Каждый новый факт, каждое наблюдение, каждое правило — всё это складывалось в его сознании в систему. Систему понимания этого нового мира.

И завтра, на ярмарке, он увидит эту систему в действии. Увидит, как люди взаимодействуют, торгуются, обманывают, доверяют. Соберёт данные.

А потом... потом он их проанализирует. И сделает выводы. О мире. О людях. И о том, где в этой системе место для него.

Потому что если мир стал игрой с новыми правилами — то Игорь намерен не просто играть. Он намерен понять правила лучше всех. И, возможно, изменить их.

К вечеру доехали до озера — маленького, круглого, как монета, брошенная в траву. В километре виднелись огни ярмарки — тусклые, коптилочные, но их было много. Решили не рисковать — переночевать здесь.

Лагерь разбили быстро, по-военному: телеги треугольником, костёр в центре, лошади привязаны в сторонке. Ванька пошёл проверять периметр, вернулся с парой глухарей. Светлана разогнала костёр, Артём поставил котелок. Игорь молча разложил спальные мешки — не из пуха, из сена и шерсти.

Ужин был скудным, но сытным: куриное мясо (последние куры из Веретья, забитые на дороге), овсяная лепешка на углях, травяной чай с мятой. Ели молча. Только Ростислав спросил:

— Игорь, частоты проверил?

— Проверил. Эфир чистый.

Над озером встала полная луна — огромная, медная, как бывает только осенью. На дереве закуковала кукушка — поздно для кукования, но мир сошёл с привычного расписания. Светлана смотрела на луну, и Артём смотрел на неё. Он видел, как лунный свет касается её щеки, как её ресницы отбрасывают тени. И сердце сжималось от странной, необъяснимой тоски.

Игорь сидел отдельно, спиной к костру, лицом к лесу. Он не смотрел на луну. Он слушал ночь. И в его ушах, привыкших к тишине эфира, уже звучал гул далёкой ярмарки — не голоса, а само напряжение множества людей в одном месте.

Ванька улыбался, чистя ружьё. Он думал не об опасности, не о торговле. Он думал о том, что завтра увидит других людей. И среди них — может быть — кого-то, кто не будет смотреть на него как на «Ваньку из Веретья». Кто увидит просто человека.

Ростислав лёг раньше всех, накрывшись одеялом. Но не спал. Он думал о том, сколько таких ночёвок было за эти шесть лет. И сколько ещё будет. И закончатся ли они когда-нибудь.

Школа стояла на холме — трёхэтажная, из серого кирпича, с выбитыми стёклами, но целыми стенами. На окнах — листы жести, приваренные к рамам. На крыше — наблюдатели с подозрными трубами. У входа — двое арбитров с топорами и проверочниками.

Всю электронику — рации, проверочники, даже часы на батарейках — сдали в ящик под замком. Получили деревянный жетон с номером. Оружие — только ножи, и те проверили на УСП-следы.

Внутри пахло пылью, дымом и человеческим потом. Коридоры превратились в торговые ряды: на столах разложены товары, на стенах — меловые надписи: «Мука $\longleftrightarrow$ Гвозди», «Семена $\longleftrightarrow$ Бензин».

Ростислав, как обычно, выторговал кабинет физики на втором этаже — угловой, с толстыми стенами и дверью, которую можно закрыть. Здесь когда-то учили детей законам Ома и Архимеда. Теперь здесь продавали то, что осталось от мира, жившего по этим законам.

Разложили товар: Рации Ростислава — грубые, транзисторные, но работающие. На обмен: на порох, инструменты, медь. Ткани Авдотьи — некрашенные, но прочные. Обувь — простые поршни и сапоги из сыромятной кожи. Изделия Артёма — деревянные миски, каменные топоры, медные заклёпки.

Не продавали, денег как системы уже не было давно. Обменивали. Торг вёлся без спешки, с прищуриванием, взвешиванием на ладони. Язык жестов иногда говорил больше слов.

Время летело быстро. Солнце давно миновало зенит.

Артём стоял за прилавком. Светлана была рядом, но глаза её уже давно бегали по коридору, где мимо проходили женщины в цветных платках, девушки с блёстками в волосах.

— Можно я... на час? — тихо спросила она.

Артём посмотрел на неё. Хотел сказать «нет». Но увидел в её глазах тоску по чему-то, чего он не мог дать. Не товары. Жизнь.

— Через час будь здесь. Мы ужинаем и сворачиваемся.

— Спасибо.

Она ушла, смешавшись с толпой.

В старом детском саду, в двухстах метрах от школы, шла другая ярмарка — тихая, почти домашняя. Здесь обменивали не инструменты, а память: книги с пожелтевшими страницами, шкатулки, лоскутки шёлка, бусы и браслеты из бисера, даже духи в полупустых флаконах — драгоценность, равная десятку патронов.

Светлана вошла, и воздух перехватило. У входа, на разложенной на полу коже, сидел он. Юрий.

«Тот парень из прошлого». Спасатель Душ. Юрий. Частично уже поседевшие волосы (ему было всего около тридцати, но годы считали не по паспорту), шрам через бровь, глаза — такие же серые, глубокие, помнящие всё.

Он обменивал украшения, найденные в руинах ювелирных: кольца с потускневшими камнями, цепочки, броши. Рядом — его конь и напарник, парень лет двадцати, с вечно настороженным взглядом.

Их глаза встретились. Удивление. Шок. Признание. Как будто эти пять лет были не прожиты, а приостановлены.

— Света, — сказал он просто. Без восклицания. Как будто называл её имя каждый день.

— Юра...

Он что-то сказал напарнику, встал. Они не обнялись. Не подали друг другу руки. Просто стояли и смотрели. Потом он кивнул в сторону выхода.

— Пойдём. Ненадолго.

Она кивнула, не думая. Ноги понесли её за ним.

За детским садом стояли ржавые гаражи — когда-то для техники, теперь для тайн. Юрий завёл её за угол, где их не было видно. И тут вся сдержанность лопнула.

Он прижал её к холодному металлу стены, и его губы нашли её губы не как вопрос — как ответ. На вопрос, который висел между ними все эти годы.

— Я думал, ты... — он не договорил, целуя её шею, плечи.

— Я тоже. Всё время.

Она сама не понимала, что делает. Руки расстёгивали его куртку, его руки поднимали её платье, обнажая бёдра, которые так долго хранились для другого. Не было стыда. Была только жажда — жажда этого конкретного человека, его запаха (дым, кожа, что-то ещё — металлическое), его прикосновений.

Он взял её там же, у стены, быстро, почти жёстко. Она попыталась сопротивляться. Не ему. Себе. Но не получилось. Точнее, получилось недолго. Она обвила его ногами, впилась зубами ему в плечо, чтобы не закричать. Мир сузился до точки соприкосновения, до жара, до этой боли-не-боли, которая была единственной правдой в мире лжи.

Они не видели, как в двадцати метрах, за соседним гаражом, стоял Игорь.

Он пришёл сюда раньше — осматривать периметр, искать слабые места. Услышал шёпот, замер. Увидел. Его лицо не выразило ничего. Только глаза сузились, как у учёного, наблюдающего интересный эксперимент. Он видел не измену. Видел слабость. Эмоциональную уязвимость. И фиксировал её в памяти, как данные для будущих расчётов.

Артём начал волноваться через сорок минут. Потом — корил себя: «Разрешил — сам виноват». Через час пошёл искать.

Он спрашивал у торговцев: «Не видели девушку, лет восемнадцать, в синем платке?» Кто-то кивал в сторону детского сада.

Он вышел во двор, обошёл здание. Услышал сдавленный стон. Замер. За гаражами. Подошёл бесшумно, как охотник. Заглянул.

И мир рухнул. Он увидел её спину, выгнутую в дугу. Её руки, вцепившиеся в ржавый металл. Его — Юрия — лицо, прижатое к её шее, глаза закрыты в экстазе.

Артём отшатнулся. Сердце билось так, что слышал в висках. Рука потянулась к ножу — но остановилась.

«Если сейчас подойду... она не вынесет позора. И я потеряю её навсегда.»

Он стоял, пригвождённый к месту. Видел каждую деталь: как её пальцы белеют от напряжения, как его рука держит её за бедро, как их дыхание сливается в одно.

И самое страшное — он видел её лицо в просвете между их телами. Не боль. Не стыд. Блаженство. Чистое, животное, абсолютное.

«Она никогда так не смотрела на меня.»

Горечь поднялась комком в горле. Резала невидимым ножом что-то живое внутри него. Он вспомнил, как берег её. Как ждал свадьбы. Как верил, что она — его чистота в этом грязном мире.

А она... здесь. В грязи. В восторге. И он ничего не может сделать. Потому что если сделает — останется один. А быть одному страшнее, чем делить её с кем-то.

Он отвернулся. Пошёл обратно, шатаясь, как пьяный. Не видел, что из-за соседнего гаража на него смотрит Игорь.

Пока это происходило, Ванька оставил Ростислава в кабинете физики и пошёл гулять. Ему наскучил торг — он хотел видеть людей. Живых. Не за прилавками.

В одном из классов на первом этаже он увидел её.

Сидела на подоконнике, плела афрокосички другой девушке. Пальцы двигались быстро, уверенно. Она что-то тихо говорила, и та девушка смеялась, показывая что-то на страницах потрёпанной книги — комикса, чудом уцелевшего.

Ванька задержался. Не потому что она была красавицей — нет. Худенькая, с веснушками, волосы цвета пшеницы. Но в её движениях была лёгкость. Та, что давно исчезла из этого мира.

Она почувствовала взгляд. Подняла глаза. Улыбнулась — не кокетливо, просто.

— Что, интересно? — голос звонкий, как колокольчик.

— Косички, — сказал Ванька, неожиданно для себя улыбаясь в ответ. — Редкое умение.

— Это не умение. Это медитация.

— Марина.

— Иван, можно просто Ваня.

Они разговорились. Сначала о пустяках — о погоде, о дороге. Потом — о серьёзном. Она была из общины «Луга» — жили в старом санатории, выращивали лён, держали коз. Ей было семнадцать. Она помнила Распад смутно — была ребёнком.

— А ты? — спросила она.

— Я... выживаю, — сказал Ванька и понял, как это глупо звучит.

Она рассмеялась.

— Все выживают. Я спрашиваю — о чём ты мечтаешь?

Он замер. Никто не спрашивал его об этом с тех пор, как умерла мать.

— Чтобы не бояться, — выдохнул он честно.

— Это не мечта. Это необходимость, — она прыгнула с подоконника. — Пойдём, покажу кое-что.

Они вышли к реке за школой. Она показала ему место, где вода делала поворот и образовывала тихую заводь. Там плавали утки — настоящие, дикие.

— Я прихожу сюда, когда тяжело, — сказала она. — Смотрю на них и думаю: они не знают, что мир кончился. Для них он просто есть.

Они просидели там несколько часов. Говорили обо всём. Она шутила, он подыгрывал. Она была такой живой, что ему хотелось плакать. Не от горя. От того, что он забыл, что такое — просто быть.

Перед закатом они стояли уже держась за руки. Не как влюблённые — как два человека, нашедших друг в друге опору.

— Через две недели снова ярмарка, — сказала она. — Здесь же. В воскресенье.

— Я приду.

— Обещаешь?

— Клянусь.

Она поднялась на цыпочки, поцеловала его в щёку. Легко, как бабочка.

— Тогда до встречи, Ваня.

Он смотрел, как она уходит, и впервые за шесть лет чувствовал не тяжесть выживания, а лёгкость ожидания.

Поздно вечером они собрались у озера. Купили — выменяли — немного: мешок пороха, наборы инструментов, несколько пакетов разных видов семян, подарки, да растительного масла пару ведер. Коней не взяли — уж слишком дорого.

Светлана вернулась ровно через полтора часа. Лицо было спокойным, даже светящимся. Она помогала Артёму укладывать товар, говорила что-то о красивых платках, которые видела.

Артём смотрел на неё и видел другую. Ту, что несколько час назад кричала от наслаждения в чужих объятиях. Но он молчал. Кивал. Пытался улыбаться. И эта улыбка была самой тяжёлой ношей в его жизни.

Игорь наблюдал за обоими. Видел боль в глазах и улыбке Артёма. Видел непринуждённость Светланы — признак того, что она не знает, что её видели. Он складывал эти данные в уме. Слабость Артёма. Слабость Светланы. Уязвимости.

Ванька сидел у костра и улыбался в пустоту немного зачарованно. В руках вертел глиняную фигурку — Марина подарила ему на прощание. Простую, топорную. Птицу.

— О чём призадумался? — спросил Ростислав.

— Да так... — Ванька вздрогнул. — О будущем.

Ночью, когда все легли, Ростислав подошёл к Игорю. Тот сидел на берегу, бросал камешки в воду.

— Поделись, что интересного сегодня видел? — спросил Ростислав прямо.

Игорь ответил не сразу:

— То, что все видят, но предпочитают не замечать. Люди — несовершенны.

— А ты стремишься к совершенству?

— Я? — Игорь повернулся. Его лицо в лунном свете казалось высеченным из мрамора.

— Да. Стремлюсь. И к пониманию. А понимание начинается с признания несовершенства.

Ростислав хотел сказать что-то — о прощении, о милосердии. Но слова застряли. В этом расчёте, который назывался «жизнь», не так часто было место для переменной «прощение». Гораздо чаще фигурировала только переменная «последствия».

Он положил руку на плечо сына. Игорь не отстранился. Но и не ответил на прикосновение.

— Завтра рано вставать, — сказал Ростислав.

Ростислав ушёл. Игорь остался сидеть. Смотрел на отражение луны в воде. И думал не об измене, не о слабостях. Думал о структуре.

Любовь, предательство, страсть — всё это были просто проявления неоптимальной системы. Системы под названием «человек». И он, Игорь, видел не только проявления. Видел код. И однажды он научится этот код переписывать.

А пока — он запомнил. Всё. Каждую деталь. Для будущих расчётов.

На следующее утро они уехали на рассвете. Озеро осталось позади, ярмарка — позади. Но каждый увёз с собой не только товары.

Артём увёз молчание, которое стало его клеткой. У Светланы появилась тайна, которая стала её свободой. Ванька сохранил обещание, которое стало его надеждой. Игорь собрал с собой данные, которые стали его оружием. А Ростислав увозил тяжесть — понимание, что мир, который они строят, держится не на правде, а на том, как искусно ты умеешь её скрывать.

И где-то на дороге, в километре от ярмарки, их обогнали всадники на конях. Юрий и напарник. Он даже не взглянул в их сторону. Он не узнал их. Ее. Проскакал мимо, исчез в утреннем тумане.

Светлана смотрела ему вслед. И улыбалась. Тайно. Так, чтобы никто не видел. Кроме Игоря. Он видел всё.

Глава «Рыбное озеро»

Возвращались с ярмарки они уже под вечер. Солнце давно перекаатилось за зенит, отбрасывая длинные синие тени. Дорога, знакомая до каждой выбоины, казалась теперь чужой — после ярмарки, после увиденного и услышанного, после той лёгкости, что принесла Марина Ваньке, и той тяжести, что легла на плечи Артёма.

Игорь сидел в телеге, глядя на убегающие назад деревья. В ушах ещё звенели голоса торговцев, смех Марины, скрип дверей старой школы. И тихий шёпот за гаражами, который он не должен был слышать, но слышал. Он складывал впечатления, как пазл. Ярмарка — это не только обмен товарами. Это обмен информацией, настроениями, слабостями. Он видел, как люди смотрят друг на друга: кто с завистью, кто со страхом, кто с расчётом. Видел, как ложь становится валютой, а правда — товаром, который прячут под прилавком.

— Держись, — вдруг сказал Ростислав, придерживая его за плечо.

Телега резко качнулась, съехав с наезженной колеи. Впереди, из-за поворота, вынеслись всадники.

Их было пятеро. Не крестьяне на клячах — люди в камуфляжной форме, с автоматами за спиной, на хороших, ухоженных конях. Они скакали быстро, цепко, как те, кто проводит в седле больше времени, чем на земле.

Ванька мгновенно натянул поводья, его рука потянулась к «Сайге». Артём уже спрыгнул с телеги, приняв укрытие за колесом. Ростислав молча развернул «очиститель» — не включил, но приготовил.

Всадники заметили их, замедлили ход. Подъехали на расстояние десяти метров. Главарь — коренастый, с лицом, обветренным до красно-бурого цвета, с холодными глазами навывкате — окинул их оценивающим взглядом.

— Стой, — сказал он негромко, но так, что слово прозвучало как приказ. — Кто такие? Куда?

— С ярмарки, — ответил Ростислав, не опуская «очиститель». — В Веретье. А вы?

— Дружина, — коротко бросил всадник. — Судейская стража.

Он посмотрел на их телеги, на ящики, на лица. Усмехнулся — недобро, с намёком.

— Странно. Сейчас все дороги ведут к Рыбному озеру. А вы — в обратную сторону. Или не в курсе?

Ростислав нахмурился и сделал вид, что не понимает о чем речь:

— Какого озера? Мы домой спешим.

Второй всадник, помоложе, с хищным лицом, фыркнул:

— Рыбное озеро, дед. Судилище. Суд над лихими. Двоих поймали — будут судить да казнить. Народу пол-округи съехалось. А вы, видать, в своей деревне сидите, мир не знаете.

Ростислав обменялся взглядом с Ванькой. Рыбное озеро. Слышали, конечно. Место, где вершат «правосудие» объединённые общины. Говорили, суд скорый, без лишних слов. И казнь... особая.

— Нам туда не по пути, — твёрдо сказал Ростислав. — Домой надо до темноты.

Но тут вмешалась Светлана. Её глаза горели тем самым огнём, что горел сегодня, когда она уходила с Юрием. Огнём жажды нового.

— А может... посмотреть? — она обратилась к Ростиславу, но взгляд её скользнул по Артёму. — Это же... история. Мы только слышали. А увидеть...

— Да ладно тебе, Ростислав Палыч, — поддержал Ванька. Он сам был под впечатлением от встречи с Мариной, и ему хотелось продлить этот день, оттянуть возвращение в обыденность. — Час туда, посмотрим, и обратно. До темноты успеем.

Артём молчал. Он вообще мало говорил с тех пор, как они покинули ярмарку. Но теперь посмотрел на Светлану, на её оживлённое лицо, и что-то ёкнуло в груди. Она хочет туда. К чужой казни. Как на зрелище. Но он лишь кивнул:

— Если народ собирается... может, и правда стоит глянуть. Чтобы знать, как теперь мир устроен.

Ростислав колебался. Он смотрел на Игоря. Сын сидел молча, но его глаза — те самые, слишком умные для его возраста — внимательно изучали всадников. Не их лица — их вооружение, посадку, взаимодействие.

— Игорь? — спросил Ростислав неожиданно для себя. — Твоё мнение?

Все посмотрели на подростка. Даже всадники удивлённо приподняли брови.

Игорь медленно перевёл взгляд с дружинников на отца.

— С точки зрения получения информации — целесообразно, — сказал он ровно, без эмоций. — Мы знаем о суде только по слухам. Прямое наблюдение даст понимание, как работает новая судебная система. Её сильные и слабые стороны. В будущем это может пригодиться.

Он говорил как учёный, планирующий эксперимент. Не как ребёнок, жаждущий зрелища.

Ростислав вздохнул. Пусть увидит, подумал он. Пусть увидит, что за зло творят те, кого судят. И как это зло наказывают. Может, это удержит его от... Он не договорил даже мысленно. Но кивнул.

— Ладно. Покажете дорогу?

Всадник с холодными глазами усмехнулся.

— Дорогу не покажем — мы вперед поскачем. Но если поедете — не промахнётесь. По тропе, что налево через полкилометра. По следам. Народа много проехало — не ошибётесь.

Он дал шпоры коню, и всадники умчались, оставив за собой облако пыли.

Повернули налево. Дорога действительно была наезжена — свежие следы телег, конские копыта. Через полчаса пути начали встречаться другие путники: телеги с целыми семьями, пешие с котомками, даже несколько подвод с товаром — видимо, те, кто решил совместить суд с мелкой торговлей.

— Как на праздник едут, — пробормотал Артём, глядя на женщину, которая поправляла на ребёнке шапку, улыбаясь.

— Для них это и есть праздник, — хрипло сказал Ванька. — Развлечение. В наше время что? Работай, молись, бойся. А тут — зрелище. И моральное удовлетворение: зло наказывают.

Игорь слушал и запоминал. Потребность в зрелище. Потребность в справедливости, даже если она жестока. Потребность в коллективном ритуале. Всё это было интересно. Как механизм.

Через час показалось озеро. Оно лежало в чаше между холмов — большое, почти круглое, около двух километров в диаметре. Вода была не синей, а серо-стальной, матовой, будто покрытой масляной плёнкой. Поверхность — абсолютно неподвижна. Ни ряби, ни всплеска.

Но самое жуткое было по берегам. Через равные промежутки, метров по пятьдесят, стояли очистители. Не переносные — стационарные, на железных основаниях, с параболическими антеннами, направленными на воду. Их было штук двадцать, может, больше. Они образовывали почти идеальное кольцо вокруг всего озера.

— Зачем? — тихо спросил Игорь.

— Чтобы никто не сбежал, — ответил Ростислав. Его лицо было напряжённым. — Если осужденный попытается выплыть... очиститель сожжёт его в воде. Или на берегу.

— Но они же в воде...

— Сигнал проходит через воду. Ослабляется, но на близком расстоянии — убивает.

В центре озера виднелся остров. Небольшой, поросший чахлыми деревцами. На нём стояла избушка.

А у самого берега, на деревянном помосте, лежала лодка. Простая, плоскодонка. Рядом — груда камней и несколько просмоленных мешков.

Народу собралось много. Сотни человек. Стояли кучками, говорили вполголоса. Дети бегали, но не слишком шумно — родители одёргивали. В воздухе висело не праздничное оживление, а напряжённая тишина. Как перед началом спектакля, где главный герой умрёт настоящему.

Они привязали лошадей в стороне, подошли ближе. Ванька кивнул на группу людей у импровизированного «престола» — стола, накрытого тёмным сукном.

— Судья. Феофан, слышал о нём. Из бывших судей. Теперь верховный судья для пяти общин.

Феофан был стар, но не дряхл. Высокий, сухопарый, с лицом, высеченным из гранита. Седая борода, пронзительные глаза под густыми бровями. Он сидел за столом, а вокруг — несколько человек, видимо, «присяжных» или старейшин. И рядом с ними, на коленях, со связанными за спиной руками, сидели двое.

Один — мужчина лет тридцати, коренастый, с обритой головой и бычьей шеей. Лицо — в синяках, губа рассечена. Но глаза горели не страхом, а ненавистью. Он смотрел на толпу как на стадо, которое скоро разбежится, стоит только зарычать.

Второй... был мальчишкой. Лет семнадцати, не больше. Худой, бледный, с большими испуганными глазами. Он дрожал, губы его шептали что-то беззвучное — может, молитву, может, просто «мама».

— «Лихие», — прошептал кто-то в толпе. — Поймали на дороге под Александровом. Грабили обоз. Убили трёх. Одного ребёнка...

— Повесить бы их, — сказал другой. — Или на очиститель. А то — вода. Быстро.

— Нет, вода — правильно, — вступил третий. — Чтобы помнили. Чтобы тело не нашли. Чтобы знали — как скверна в землю уходит, так и они.

Игорь слушал. Символизм. Казнь как метафора. Не просто смерть — стирание. Как скверна растворяется в земле, так преступник растворяется в воде. Становится частью пищевой цепочки — кормом для рыб. Замкнутый круг.

Феофан поднялся. Толпа затихла.

— Привели, — сказал он громко, без пафоса. Голос был низким, резонирующим, как удар по пустой бочке. — Вину признали?

Один из стражников кивнул:

— Признали. Грабили. Убили. Не раскаялись.

Феофан посмотрел на осуждённых. На старшего:

— Есть что сказать перед казнью?

Тот плюнул на землю. Слюна, смешанная с кровью, ударила в пыль.

— Сказать? — его голос был хриплым, рваным, но сильным. — Сказать вам, овцам? Вы строите свой мирок из страха. Называете это правосудием. А на деле — вы просто боитесь. Боитесь тех, кто сильнее. Боится тех, кто не играет по вашим правилам.

Толпа зароптала. Феофан поднял руку — и все смолкли.

— Продолжай.

— Мы — лихие, — говорил осуждённый, и в его глазах горел тот самый огонь, что Игорь видел сегодня у всадников, у некоторых торговцев на ярмарке. Огонь воли. — Мы не прячемся за стенами. Не молимся на железки. Мы берём то, что можем взять. Потому что мир стал простым: сильный прав, слабый служит. Вы придумали свои законы, чтобы оправдать свою слабость. А мы — честны. Мы не притворяемся святыми. Мы — те, кто есть.

Он повернул голову, обвёл взглядом толпу. Его глаза на секунду встретились с глазами Игоря. И в них Игорь увидел не безумие, не зло. Ясность. Холодную, жестокую, но ясность.

— Вы казните нас не за убийства. Вы казните нас за то, что мы показали вам правду: ваша мораль — трусость. Ваша справедливость — месть слабым сильному. Вы утопите нас в этом озере, и будете думать, что победили. Но вы просто спрячете правду на дно. А она — всплывёт. Всегда всплывает.

Он умолк. Дышал тяжело, но спина была прямой. Мальчишка рядом с ним рыдал. Феофан молчал несколько секунд. Потом кивнул:

— Сказал. Теперь — приговор. По законам общин, за разбой и убийство — смерть. Способ — утопление в Рыбном озере. Да будет так.

Никаких аплодисментов. Никаких криков. Только тяжёлый, гулкий вздох толпы.

Стражи подняли осуждённых, повели к лодке. Старший шёл сам, гордо, почти вызывающе. Мальчишку тащили — ноги подкашивались.

У лодки их заставили лечь. Каждому на грудь положили по большому камню, обёрнутому в мешковину. Потом обмотали мешками — не полностью, чтобы могли дышать, но так, чтобы не могли плыть.

— Зачем камни? — тихо спросил Игорь.

— Чтобы сразу ко дну, — так же тихо ответил Ростислав. Его лицо было бледным. — Чтобы не мучились долго.

Но Игорь видел в этом другой смысл: тяжесть. Не только физическая. Символическая. Тяжесть греха, которая тянет на дно.

Лодку оттолкнули от берега. Двое стражников гребли. Отплыли метров на двести — не до середины, но достаточно далеко, чтобы с берега были видны только силуэты.

Толпа замерла. Даже дети притихли. Игорь видел, как фигуры в лодке поднялись. Старший даже выпрямился во весь рост перед тем, как его толкнули. Мальчишка бился, но его движение было едва заметно.

Два всплеска. Один — громкий, тяжёлый. Второй — чуть тише. Круги по воде разошлись, пересеклись, утихли. Лодка развернулась, поплыла обратно. А на месте, где только что были люди, вода сомкнулась. И стала снова неподвижной. Никто не кричал. Не плакал. Все стояли и смотрели на это пятно воды, как будто ждали, что что-то всплывёт. Но ничего не всплывало. Рыбное озеро приняло свою дань.

Возвращались в полном молчании. Даже Светлана не проронила ни слова. Она сидела, закутавшись в платок, и смотрела куда-то внутрь себя. Может, вспоминала тот момент за гаражами, и теперь он казался ей не грехом, а... жизнью. В противоположность этой мёртвой, ритуальной смерти.

Артём правил лошаадьми, сжав губы в тонкую белую полоску. Он думал о том, что сказал осуждённый. «Вы казните нас за то, что мы показали вам правду». И часть его — та самая, что молча наблюдала за изменой жены — соглашалась. Да, они все притворяются. Носят маски. А те — нет. Те честны в своей жестокости.

Ванька ехал впереди, но его обычная бдительность куда-то испарилась. Он смотрел на дорогу и видел не её, а лицо Марины. Её улыбку. Её лёгкость. И рядом — это озеро. Эта тяжесть. Как совместить? — думал он. Как после этого можно улыбаться? Но он знал — будет. Потому что иначе нельзя. Иначе таких озёр станет слишком много.

Ростислав молчал. Он смотрел на Игоря. Сын сидел неподвижно, уставившись в пространство перед собой. Его лицо было пустым — никаких эмоций. Но глаза... глаза работали. Ростислав видел, как зрачки сужаются, расширяются, как взгляд фокусируется на невидимых точках. Он думает. Анализирует. И это пугало больше, чем слёзы или гнев.

— Что думаешь? — наконец спросил Ростислав, нарушая тишину.

Игорь медленно повернул голову.

— Эффективно, — сказал он. — Но нерационально.

— Почему?

— Ресурсы. Два здоровых мужчины. Их можно было использовать. На тяжёлых работах. В каменоломне. Вместо казни — труд. Смерть ничего не производит. Труд — производит.

Ростислав вздохнул. Прагматизм. Чистый, холодный. Сын видел не мораль, не справедливость. Видел неэффективное использование ресурсов.

— А то, что они убийцы? — мягко спросил он.

— Убийцы могут быть полезны, если направить их агрессию на внешнего врага, — ответил Игорь всё так же ровно. — Вместо того чтобы тратить своих солдат на борьбу с бандитами — использовать бандитов для борьбы с другими бандитами. Или с дикими зверями. Или на расчистке Ржавых полей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.